

A close-up, black and white portrait of a man with short, dark hair, wearing thick-rimmed glasses and a textured jacket. He has a serious expression and is looking directly at the camera. The background is dark and out of focus.

**АЛЕКСАНДР
ЗВЯГИНЦЕВ**

**ДО ВСТРЕЧИ
В ЛОНДОНЕ**

То, что было пороками, теперь нравы

Валентин Ледников

Александр Звягинцев
До встречи в Лондоне

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 355/359
ББК 63.3(2Рос-Рус)62

Звягинцев А. Г.

До встречи в Лондоне / А. Г. Звягинцев — «РИПОЛ Классик»,
2019 — (Валентин Ледников)

ISBN 978-5-386-12752-7

«Подожди, пока кошка прыгнет», — предупреждает английская пословица. Но что делать, если кошек много и каждая прыгает в свою сторону? Валентин Ледников, в прошлом следователь прокуратуры, а ныне автор исторических книг и злободневных расследований, оказался в Лондоне в дни, когда вся Англия билась в ужасе и истерике из-за отравления бывшего сотрудника КГБ Литвиненко. Его просила о помощи Аглая Востросаблина, в которую он недавно был страстно влюблен. Она, ныне невеста английского лорда, известная телеведущая, вдруг оказывается в центре скандала, связанного с таинственным исчезновением живущего в Лондоне сына российского олигарха... Ледникову предстоит разобраться в запутанной истории, где сплелись воедино интересы спецслужб и аристократических кланов, где страстная любовь переходит в испепеляющую ненависть, где родные люди уничтожают друг друга в борьбе за громадные деньги, где за мечты платят жизнью, а за заблуждения рассудком, где знаменитые преступления прошлого становятся ключом к разгадке интриг нынешних... Этот роман за рубежом переводился на другие языки, в частности на французский и болгарский. Его презентации проходили не только в России, но и в Швейцарии, Франции, Италии, Болгарии и в других странах.

УДК 355/359
ББК 63.3(2Рос-Рус)62

ISBN 978-5-386-12752-7

© Звягинцев А. Г., 2019

© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Вместо пролога	7
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Звягинцев

До встречи в Лондоне

Прошлое очень часто возвращается и требует оплатить бывшие долги.

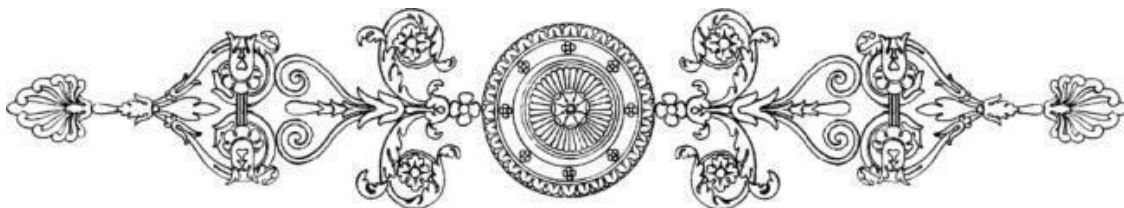
А. Г. Звягинцев

© Звягинцев А. Г., 2019

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

Вместо пролога

«Одна из наших газет предложила: надо сказать россиянам – оставьте Британию в покое! Не надо сводить у нас старые московские счеты! С таким же успехом можно просить волны оставить в покое английские берега. Нет, господа, Россия теперь с вами навсегда – она уже у вашего порога...»

«Русское сообщество в Лондоне до недавнего времени воспринималось местным населением с некоторым изумлением. Ссылные магнаты и скрывающиеся от налогов миллиардеры резко повысили цены на элитное жилье в центре города, привезли дорогих футболистов и своих разодетых в меха жен. Однако гости из России привезли также свое темное прошлое, интриги, заговоры... И, как выяснилось, полоний».

«История с отравлением обрастает все новыми жуткими подробностями. Лондон буквально усеян радиоактивным полонием!»

«Мы все знаем, кто убил гражданина Великобритании Литвиненко! Это сделал КГБ. По крайней мере, его дух».

«Сегодня в моде утверждения, что началась новая «холодная война». Реальное положение дел, возможно, выглядит еще тревожнее. Сегодня вы зависите от России в так называемой «войне против террора» и снабжении нефтью и газом. Лондонский рынок недвижимости уже «подсел» на российские деньги, а футбольный клуб «Челси» после Романа Абрамовича никогда не будет прежним».

«В России убийство в борьбе за власть и богатства уже стало укоренившейся традицией. Россияне привыкли к тому, что заказные убийства превратились в способ заткнуть рот оппоненту и инструмент перераспределения активов».

«Почти без сомнения, суд никого так и не посадит в тюрьму. Но образ современной России формируется уже сейчас. Без суда и следствия».

«Теперь британцы спрашивают себя: не пора ли этот город, перенаселенный всякими секретными агентами и теми, кому повезло сорвать банк на рулетке грязного, пропитанного нефтью капитализма бывшего Советского Союза, переименовывать в Москву-на-Темзе?»

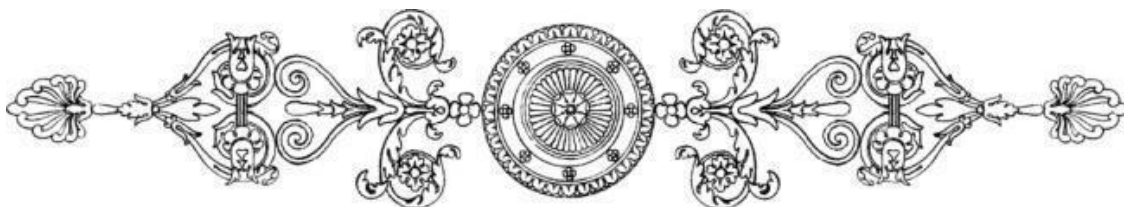
«Британский журналист, бывший московский корреспондент ВВС, утверждает, что в убийстве Литвиненко была заинтересована группа экс-сотрудников российских спецслужб, независимая от Кремля и, скорее всего, также независимая и от нынешнего руководства ФСБ. Журналист говорит, что бывший сотрудник ФСБ Треплов якобы предупреждал Литвиненко о создании

специального подразделения для его уничтожения. И что ему предлагали навести справки о Литвиненко – где он работает, как передвигается, с кем и где встречается, о чем пишет книгу...»

Глава 1

Like a cat on hot bricks¹. Словно кошка на горячих кирпичках

Раздраженно крутанувшись в своем любимом рабочем кресле «Адмирал», Ледников отъехал прямо на нем от компьютера, водрузил ноги на подоконник и уставился в окно.

Смотреть было не на что. Стоял нелепый декабрь 2006 года – без снега, без морозов, без солнца. Пропашее время. Уже третий месяц Москва была плотно укутана серой теплой мглой, в которой колготились и маялись в своих безнадежных и бесконечных делах и делишках жители столицы.

Вот и нынче – утро словно и не наступало... Впереди очередной тусклый день, который уже через несколько часов обернется непроглядной ночью. Ну и как прикажете жить в таких условиях? Мыслить и страдать? Воспарять духом? А тут еще эти английские газеты и сайты!

Когда-то в советские времена главных редакторов газет регулярно собирали в пятом подъезде ЦК КПСС на Старой площади, в небольшом круглом зале. Именно там давались инструкции – как освещать те или иные события, на какие темы обратить особое внимание. Обычно инструктаж проходил в доброжелательном отеческом тоне, но провинившихся могли основательно взгреть. Похоже, у английских ребят тоже есть свой пятый подъезд, где их наставляют, как и что писать. Потому что иначе трудно объяснить, чего они, как оглашенные, дуют в одну дуду, причем одними и теми же словами...

Впрочем, может быть, дело еще хуже. Даже советские редакторы про себя-то знали, что есть пропаганда, а что – правда. Пусть они не могли писать всю правду, но про себя они ее знали. Во всяком случае, большая часть. И потому, как только им дали волю, просто с цепи сорвались, без разбору печатая то, что считали правдой или почти правдой.

А вот многие английские информационные бойцы, похоже, искренне уверены, что пишут одну только правду. И по-другому писать уже просто не могут. То есть мозги и сознание их постоянно обрабатываются так основательно, что думать они способны только в одну сторону. Поэтому мейнстрим у них создается не по грубой команде из пятого подъезда, а по твердым установкам сильных мира сего. Из набора замшелых истин и штампов, которые они весьма охотно глотают и тут же переваривают. А это еще страшнее. Это тупик. Потому что люди уже не способны ни сомневаться, ни думать отдельно от других, ни идти наперекор.

Так что пятый подъезд – это грубость и примитив, это прошлое. Мозги теперь вправляют иначе, более иезуитскими способами...

Ледников опустил ноги и снова подъехал к компьютеру. Лениво побегал мышкой по английским сайтам и уже хотел выходить из Интернета, как вдруг увидел фотографию Гланьки...

---

¹ В названиях глав использованы английские идиомы (присущие только данному языку обороты речи) и фразеологизмы (устойчивые словосочетания) разных эпох.

Она выбиралась из черного «Ягуара», демонстрируя длину своих ног. Но лицо у нее было угрюмое.

Сразу нахлынули воспоминания. Вспомнился во всех подробностях их скоротечный яростный роман, начавшийся во время переезда семейства Востросаблиных с дачи... Закончился он дикой сценой на той же самой даче, когда их обоих решил спалить вместе с домом маньяк, рехнувшийся от любви к женщине, пребывающей несколько лет в коме! И все-таки это было то время, которое забыть невозможно... Потому что, собственно, такое прошлое делает мужчину тем, что он есть. И когда за спиной есть такое, можно жить. Хотя бы воспоминаниями.

Любопытно, что же она там, в этом Лондоне, натворила?

Парень по имени Энтони Кросби, который написал этот материал, сразу погнал всех лошадей вскачь, причем в одной упряжке. В выражениях он не стеснялся, сомнений не испытывал, а доказательства игнорировал как несущественную материю.

И вот что у мистера Кросби получилось.

В деле об отравлении Литвиненко есть загадочные подробности, о которых почему-то все умалчивают.

С гибелью экс-офицера ФСБ может быть связано и недавнее исчезновение российского предпринимателя в Лондоне.

Российский бизнесмен Рафаэль (*его мать – испанка*) Муромский тоже мог пасть жертвой радиации!

Когда Рафа, как зовут его близкие люди и журналисты желтой прессы, находился в театре, ему внезапно стало плохо. Говорят, он испытывал безумную жажду и все время просил пить. Муромский и сопровождавшие его русские друзья отказались ехать в больницу, его отвезли в роскошную квартиру, где он живет. С тех пор его никто не видел. Дома его нет.

Есть серьезные основания подозревать, что Рафа Муромский скоропостижно скончался, а его тело было срочно и тайно перевезено в Москву российскими агентами.

Эксперт из Службы токсикологической помощи указал на то, что сильную жажду вызывает, в частности, таллий. Именно таллием, как предполагалось изначально, был отравлен и Литвиненко. Лишь спустя некоторое время медикам удалось установить, что экс-агента ФСБ отравили полонием-210...

Никакого расследования в связи с исчезновением и вероятной смертью Рафы Муромского Скотленд-Ярд не проводил, так как никаких заявлений и обращений не последовало. Характерно, что не последовало никакой реакции и с российской стороны. Видимо, ей и так все ясно.

Рафаэль Муромский, молодой человек 26 лет, сын известного русского олигарха Павла Муромского, сколотившего сказочное состояние в дикие времена гайдаровских реформ, и испанки сеньоры Франциски Морьентес, постоянно проживающей в Мадриде. Павел Муромский скончался несколько месяцев назад в своем поместье в Мадриде, где он жил последнее время. По официальной версии, он утонул, плавая в своем бассейне, в результате инфаркта. Однако многие сомневаются, что смерть была естественной.

После его смерти Рафа Муромский стал наследником громадного состояния. В Англии он, несмотря на молодость, решил заняться крупным бизнесом. Его главный проект – стать компаньоном лорда Седрика Лоутона, который является владельцем гордости английского яхтостроения – компании RWG, производящей по индивидуальным заказам непревзойденные яхты для богатых людей со всего мира. Уже немало лет компания влачит жалкое существование. Седрик Лоутон, отпрыск старинного аристократического рода, хотел вдохнуть в RWG новую жизнь, однако, как выяснилось, он не обладает для этого достаточным капиталом. Поиски партнеров в Англии и за ее пределами не увенчались успехом. И тогда появился Рафа Муромский с его неограниченными после смерти отца возможностями. Сделка должна была вот-вот состояться, и тут – происшествие в театре и загадочное исчезновение...

Для человека, хоть немного знакомого с нравами и порядками современной России, не составляет труда сделать свои выводы. Сегодня Кремль и ФСБ плотно курируют все сделки российских бизнесменов, они совершаются только с их одобрения. Видимо, проект молодого Муромского оказался не по нраву Кремлю или Лубянке, но юный бизнесмен не хотел от него отказываться. Последовало жестокое наказание...

А теперь еще один очень многозначительный факт.

Невестой лорда Седрика Лоутона является не кто иной, как Аглая Востросаблина – русская ведущая телевизионной программы о русских в Лондоне. Было бы наивно полагать, что ФСБ оставила без своего внимания столь интересную и важную для них фигуру. С помощью ведущей такой программы ФСБ очень удобно собирать информацию о своих соотечественниках в Англии. Тем более что Аглая Востросаблина – чрезвычайно неординарная молодая женщина с интересным прошлым.

Аглая – внучка Н. Н. Востросаблина, члена Верховного суда, который, оказывается, еще в советские времена работал, разумеется, под присмотром ФСБ, выполнял его прямые поручения. Судья Востросаблин был замешан в нескольких скандальных процессах, на которых были вынесены жестокие приговоры за свободомыслие и религиозные убеждения. После падения Советского Союза он вскоре оказался на пенсии и погиб в результате несчастного случая, тоже весьма и весьма подозрительного.

Так что есть все основания считать, что его внучка Аглая не простая телеведущая. И что внушительная сделка с участием ее жениха Седрика Лоутона и мятежного молодого бизнесмена Муромского-младшего не могла пройти мимо нее. Вряд ли она была в стороне.

Какую роль сыграла красивая, жесткая и хваткая Аглая в этой смерти, еще предстоит узнать. Также возникает вопрос: а в безопасности ли сейчас ее английский жених? Что еще на уме у ФСБ? В истории уже достаточно подозрительных смертей. Будут ли новые? Отравление Литвиненко учит нас ничему не удивляться...

Ну, сучонок, шелкопер, выругался про себя Ледников. Настряпал сюжет. Мятежный молодой бизнесмен! Гланька в роли агента ФСБ! Бред, рассчитанный на самого тупого читателя, которому под кружку эля можно скормить любые помои! Видимо, они там, в своем Лондоне, действительно свихнулись, раз им подобные истории впаривают на голубом глазу. Но Гланьке, если в нее вцепятся журналисты, не позавидуешь...

Зазвонил телефон. Ледников принялся искать куда-то завалившуюся трубку, но не нашел. Пришлось включать громкую связь на базе.

И всю комнату вдруг заполнил громкий голос Гланьки.

– Ледников, ты меня слышишь? Алло?

– Слышу, – придя в себя от неожиданности, пробормотал Ледников.

Они практически не виделись с тех пор, как она уехала в Лондон. И даже когда летом в несусветную жару он оказался по своим делам на берегах Темзы, увидеться не удалось, потому как Гланька со своим женихом, этим самым лордом Седриком Лоутоном, отдыхала на Сардинии.

– Привет, – уже бодро сказал он. – Ты откуда?

– Откуда! – фыркнула она. – Из этого чертова Лондона, который весь, как теперь выясняется, заражен полонием. И это сильно повлияло на мозги местных джентльменов.

– Ты как?

– Я? Феерически!..

– Слушай, я тут сегодня видел материал про этого самого Муромского, который Рафаэль, он же Рафа...

– Ледников, ты не представляешь себе, что тут творится! На меня спустили всех собак. Травят, как зверя. Я теперь и шпион, и агент, и коварная соблазнительница, и охотница за фунтами стерлингов... Ледников, я не знаю, что делать!

– Ну ладно, не кледай на себя. Ты – и не знаешь! Так не бывает, – пошутил Ледников. – Неужели этот проклятый Лондон на тебя так подействовал?

– Как видишь.

Судя по голосу, Гланьке было действительно не до шуток. Но звонит-то она не поэтому, что-то ей нужно...

– Я могу тебе чем-то помочь?

– Можешь. Только для этого тебе нужно прилететь сюда.

– Ага... И когда?

– Завтра. Билет я уже заказала на твое имя. Я тебя встречу.

Ну да, это называется, она не знает, что делать!

– Слушай, а ты уверена, что тут нужен именно я?

– Уверена. Мне тут просто не с кем поговорить, Ледников. Понимаешь? Поговорить со мной ты можешь?

– Могу. Закажи мне гостиницу.

– Уже заказала.

– Ты была так уверена, что я...

– Была. Я знала, что ты все поймешь, как надо.

В редакции журнала, куда Ледников завез отрывки из книги отца о великих российских юристах, было пусто и сумрачно. Обшарпанные стены, вытертый до черных дыр паркет, разномастная мебель, будто забытая при переезде, свидетельствовали об отсутствии богатых хозяев. Ледников обычно старался появляться тут пореже, отсылая тексты по электронной почте, но на сей раз у них и сервер полетел – пришлось ехать.

Из знакомых он застал в редакции лишь обозревателя Лешу Пузырева, пузатого, краснолицего мужика, которому было уже хорошо за шестьдесят. Лет двадцать назад, в разгар перестройки, Пузырь прославился циклом статей об изначальной лжи и химерах марксизма. При этом он был мелким работником ЦК КПСС и продолжал ходить на работу, читать лекции о ленинизме, обедать в цеховской столовой и пользоваться всеми благами службы. Самое восхитительное, никого это в ЦК особенно не удивляло – на дворе уже царило время безумия и всепорожающего невроза. Время пузыревской славы длилось недолго, ибо уже к выходу третьей статьи его откровения перестали быть новостью, а превратились в банальщину. Другие герои и властители дум уже громили прошлое с еще более исступленной яростью. Пузырь обиделся, затих, зачах, его оттеснили на обочину. Он попробовал вернуться в центр внимания, написав несколько уже державно-почвеннических статей, но этот зигзаг его мысли никого не увлек и не привлек. С тех пор он пребывал в состоянии завистливого раздражения на весь свет.

Пузырь сразу предложил выпить, но Ледников отказался.

– Вечером приглашен на прием в английское посольство, потому должен соответствовать.

– Тебя пригласили в английское посольство! – поразился Пузырь. – Поздравляю!..

А потом честно признался:

– И завидую.

– Да чему тут завидовать? – отмахнулся Ледников. – Скучища будет смертная!

– Старик, ты ничего не понимаешь! – возбужденно, по-бабьи взмахнул руками Пузырь. – Это же означает, что ты попал в обойму. Тебя зачисляют, понимаешь! Ты становишься избранным. А это значит – гранты, стипендии, лекции за границей... Другая жизнь! – просипел он

севшим от волнения голосом. – Они меня тоже приглашали, когда я марксизм громил. Мы, антисоветчики, там все собирались.

Ледников невольно хмыкнул – антисоветчик с удостоверением работника ЦК КПСС! Вот были времена.

– Да, были времена! – мечтательно вспомнил Пузырь. – Кого там только не было! При мне Зюганова знакомили с Березовским, представляешь!.. А потом, как я державником стал, сразу приглашать перестали. У них там с этим делом строго!

Ледников не стал разочаровывать Пузыря и объяснять, что в английское посольство он идет не как перспективный агент влияния, а всего-навсего как спутник госпожи Разумовской, которая возглавляет отделение одного солидного заморского фонда в России и одновременно является его давней любовницей.

Впрочем, какой там любовницей! Анетта, она же Анна Юрьевна Разумовская, была женщиной его жизни. Так считала она сама, а Ледникову нечем было возразить на это. Их отношения длились со студенческих лет, они ссорились, расставались, заводили собственные семьи, детей, но потом все равно возвращались друг к другу. Как сказала Анетта: «Мы будем вместе всегда. Что бы ни случилось». Да Ледников и сам всегда думал так же. Даже во время бурного, сумасшедшего романа с Гланькой, который совпал с долгим пребыванием Разумовской в дальних странах. Разумеется, вернувшись, Анетта кое-что о Гланьке разузнала и даже как-то дала Ледникову понять, что она в курсе того, чем он увлекается в ее отсутствие. Но и только. В их отношениях ничего не изменилось. Но когда она узнает, что он летит в Лондон по просьбе Гланьки, избежать парочки язвительных комментариев ему не удастся.

В новом здании посольства, которое раздражало Ледникова своим современным видом, не соответствующим его представлениям о старой доброй Англии, Разумовская чувствовала себя точно как гоголевский Ноздрев на псарне – совершенно своим человеком. Ледников же, накрученный утренним чтением, ловил себя на мысли, что ему очень хочется устать хозяев каким-нибудь каверзным вопросом про ужасный полоний.

Прием проходил в атриуме на последнем этаже, в одном углу что-то негромко наигрывала джазовая группа. Известных людей было много, с некоторыми из них Ледников раскланялся, но Разумовская не дала ему задержаться. Она явно кого-то искала и наконец нашла. Это был молодой темноволосый улыбчивый человек с внимательными глазами. Анетта подвела к нему Ледникова.

– Привет, Алекс! Вот человек, которого ты так давно ищешь! – кивнула она на Ледникова. – Валентин Ледников, вменяемый русский патриот, который говорит по-английски, обожаает Вудхауза в оригинале, правда, не понимает вкус эля. Но это его единственный недостаток.

– Алекс Уолкотт, – представился Алекс, протягивая Ледникову руку. Ладонь у него оказалась вполне крепкая. – Кстати, с элем у меня тоже проблемы. Может быть, потому, что мой дедушка родом из Одессы.

– Это многое объясняет, – вспомнил Ледников фразу из фильма «Сибирский цирюльник».

А про себя подумал: что это Анетта откровенно сводит его с этим самым Алексом? Что там на уме у этой неумной дьяволицы?

– Мальчуган, не напрягайся, – насмешливо сказала Анетта. – Алекс не шпион, он по другому профилю. А теперь, ребята, я вас на какое-то время покидаю.

Анетта обворожительно улыбнулась и устремила в сторону каких-то людей в смокингах. Ледников и Алекс задумчиво смотрели ей вслед, вертя в руках бокалы с вином.

– Редкая женщина, – констатировал Алекс. И с улыбкой повернулся к Ледникову: – Я действительно не шпион.

– Да и я вроде бы тоже, – пожал плечами Ледников.

– Тогда нам осталось обменяться наконец мнениями по поводу этого проклятого полония, а потом приступить к делу.

– А если без полония? Сразу к делу? Или это невозможно?

– Почему? Можно и так.

Этот Алекс Уолкотт выглядел очень покладистым парнем. Подозрительно покладистым.

– Итак, Валентин, я попросил госпожу Разумовскую познакомить нас по очень простой причине. Мой отец владеет небольшим издательством, которое специализируется на издании исторических и юридических книг. Вы и ваш отец – авторы книг по истории российской прокуратуры. Издательство моего отца заинтересовано в издании ваших книг в Англии. Правда, сразу хочу предупредить, что издательство у нас небольшое, следовательно, гонорары не фантастические...

– Да ведь и мы с отцом пишем не бестселлеры, – усмехнулся Ледников.

Предложение было неожиданным, но безусловно приятным. Ай да Разумовская! Тут явно чувствуется ее стальная лапка. Ей очень хочется, чтобы Ледников стал мировой знаменитостью.

– Я знаю. Я читал ваши книги, – вежливо кивнул Алекс. – Но есть проблема... Понимаете, Валентин, мы хотели бы не просто перевести ваши книги, а издать специально переработанные для нас варианты. Вот, собственно, что я хотел вам предложить. Если вас это предложение заинтересует, можно приступить к конкретным переговорам. Мы могли бы встретиться на днях...

Ледников задумчиво повертел в руках бокал. Предложение было заманчивым, и, конечно, надо было ковать железо, пока горячо, но...

– На днях не получится, – сказал он. – К сожалению. Завтра я улетаю в Лондон.

– Как интересно! – воскликнул Алекс. – В жизни бывают странные совпадения – мне тоже надо в Лондон.

– Действительно, интересно! – раздался за его спиной знакомый голос.

Анетта! Ледников и не заметил, как она подошла. Она смотрела на него изумленно-строгими глазами. Вот ведь создание! Сама постоянно исчезает из Москвы, не ставя его в известность, только звонит потом и извещает, что она сейчас в Денвере или Буэнос-Айресе и будет через неделю. Или выскакивает прямо из постели с криком: «У меня самолет через два часа!» Куда самолет, зачем? До объяснений она не опускалась. А тут, узнав про Лондон, смотрит с таким выражением на лице, будто Ледников нарушил воинскую присягу. Правда, вполне вероятно, что Анетта напряглась именно потому, что речь идет о Лондоне, ведь там Гланька... Видимо, ревность такое ядовитое чувство, что способно разьесть и космических масштабов самоуверенность Разумовской.

– И какова же цель вашей поездки? – вежливо поинтересовался Алекс. – Может быть, я мог бы оказать вам некое содействие в Лондоне?

– Действительно, мальчуган, что ты забыл в этом Лондоне? – скривила губы Разумовская.

– Алекс, полоний я не везу, – вздохнул Ледников. – И таллий тоже. У меня совсем другие дела. Мне нужно найти и сфотографировать могилу Керенского...

– Того самого? Александра Федоровича? – уточнил Алекс. – А разве он похоронен в Лондоне?

– Представьте себе. Сейчас мы с отцом заканчиваем книгу о великих русских юристах, и в конце каждой главы решили дать фотографию надгробного памятника. Вот такой мы придумали визуальный ряд, – объяснил Ледников, насмешливо глядя прямо в глаза Разумовской.

Та ответила высокомерным взором, не сулящим ничего хорошего.

– Любопытно, – покачал головой Алекс. – Но, я надеюсь, мы вернемся к нашему разговору об издании книги сразу после вашего возвращения?

– Разумеется.

Алекс с улыбкой откланялся. И Ледников остался один на один с накупившейся Анеттой.

– Значит, летишь на могилку Александра Федоровича? – пошутила она. – И только? Не ври мне, мальчуган. Во-первых, я в курсе затруднений твоей лондонской знакомой. А во-вторых, я все равно все узнаю.

– Анетта, радость моя, чего мне врать? Могилу я действительно хочу попробовать отыскать. И про книгу о русских юристах – святая правда. А что касается моей знакомой... Да, она попросила помочь, но тебя это не должно волновать. Как тебе известно, у нее есть жених, богатый и знатный. Лорд! Простой английский лорд.

– А почему это должно быть мне известно?

– Мне так кажется...

– Ты не слишком возгордился, мальчуган?

– Нет, я просто очень высокого мнения о твоих возможностях.

– Раз так, позволь мне дать тебе один совет. Не лезь там на рожон. Они разберутся без тебя в этой темной истории. А ты, если будешь проявлять активность сверх меры, тут же окажешься шпионом и агентом КГБ. Со всеми вытекающими последствиями.

– Ясное дело. Как же иначе? Я сегодня читал с утра английскую прессу, это занятие не для слабонервных... Налицо все симптомы затмения мозгов.

– Ладно, ты о них не беспокойся. Нам свои бы мозги сохранить в ясности.

Прием шел своим заведенным чередом.

Собравшийся народ, известный и не очень, упивался своей причастностью к кругу избранных и одновременно решал какие-то бесконечные проблемы. Ледников невольно вспомнил взволнованный рассказ Пузыря. Что ж, на подобных тихих мероприятиях, закрытых раутах, обедах для своих и впрямь создается, формируется весьма влиятельный слой лиц, от которых зависит очень многое в стране. Как говорил его отец, все шпионские игры с их тайнами по нынешним временам – архаизм. Зачем вербовать агентов, тайно встречаться с ними, что-то там шифровать, скрывать, пересылать? Если ничего не стоит найти все технические секреты в открытой печати, а привлекать сторонников можно совершенно открыто, не таясь, рассылая приглашения перспективным людям?

Ледников наклонился к уху Анетты и прошептал виноватым голосом:

– Я поеду. Надо еще заехать к отцу. Не скучай.

Анетта равнодушно взглянула на него.

– Надо захватить веночек на могилу Александра Федоровича?

– Нет, пакетик с полонием.

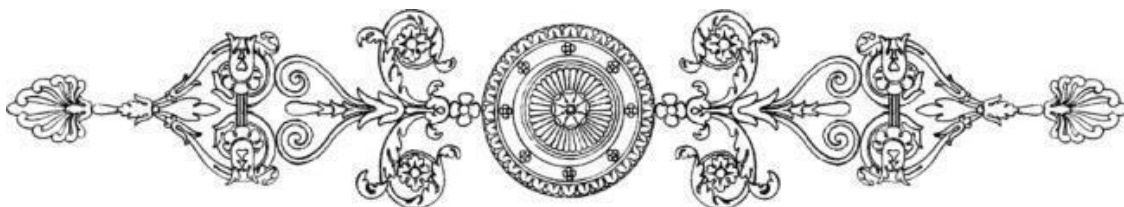
– А-а... Ну-ну!

Анетта отвернулась и ослепительно улыбнулась какому-то знакомому.

Она что-то задумала, понял Ледников.

Глава 2

Many a good father has but a bad son. У многих хороших отцов плохие сыновья

Гланька заказала первый класс, так что в полупустом салоне Ледников устроился со всеми удобствами. Но спать он не собирался, надо было обстоятельно подумать, чтобы прибыть в Лондон хоть с каким-то планом действий.

Но сначала пришлось отбиваться от сверхзаботливой стюардессы, которая все время предлагала дорожный набор каких-то бессмысленных услуг и радостей. Ледников ограничился красным вином и горячим обедом. Чтобы не разлагаться в окружающем его комфорте, он напомнил себе, что недавно пассажирам именно первого класса British Airways пришлось несколько часов лететь вместе с трупом. Пожилого мужчину, умершего прямо в полете от сердечного приступа в переполненном эконо-классе, перенесли на свободное место в салон первого класса. Покойника привязали к одному из кресел, тело завернули в одеяло, оставив открытой голову. Рядом устроилась рыдающая жена. В такой ситуации, наверное, все предлагаемые удобства не доставили «первоклассникам» большой радости.

Так что, попробовав вполне достойное вино, Ледников вытянул ноги и принялся приводить в порядок всю информацию, которую ему удалось раздобыть до отлета. Разговор с отцом, который, как всегда, поразил своей способностью помнить мельчайшие детали давних дел и расследований, позволял выстроить стройную цепь из разрозненных фактов и деталей.

Итак, Павел Семенович Муромский. Родился в небольшом южном городе в год смерти Сталина, причем в том же самом месяце – марте. Всегда любил подчеркнуть это обстоятельство, находя в нем какой-то глубокий смысл. Его отец нелепо погиб по пьяному делу, когда Павел только пошел в школу. Муромского вырастила мать. Мальчик учился хорошо – был довольно способный, к тому же его, сироту, жалели и примечали учителя. Служил в армии в Москве, во внутренних войсках.

Демобилизовавшись, он решил не возвращаться в родной город, а поступать в столичный вуз. Выбрал исторический факультет университета, потому что для военнослужащих там были серьезные льготы. В университете по обнаружившейся предприимчивости натуры стал потихоньку заниматься фарцовкой. Благо жизнь в общежитии среди студентов-иностранцев со всего света этому способствовала. Потихоньку у него сложился круг поставщиков, а потом и постоянных покупателей. В делах он был цепок и предприимчив, если представлялась возможность, без колебаний кидал и партнеров, и клиентов. Один из обиженных навел на него оперотряд, действовавший в общежитии при комитете комсомола. Задержание закончилось суровым избиением в штабе оперативников-комсомольцев. Муромского вполне могли исключить из университета. Спасло лишь то, что он был уже на выпускном курсе. Но про аспирантуру пришлось забыть и отправиться по распределению учителем истории в родной город.

Учительствовал Муромский недолго, уйдя из школы, устроился на работу в типографию, где его с дипломом университета сразу сделали начальником цеха, а потом и заместителем директора. Но через несколько лет районным народным судом он был осужден на четыре года

лишения свободы за «незаконную коммерческую деятельность и хищение государственного имущества путем злоупотребления служебным положением». А также был лишен на три года права занимать должности, связанные с материальной ответственностью.

Судя по всему, коммерческой деятельностью он занимался давно – брал левые заказы, за которые платили наличными, и выполнял их из похищенных у государства материалов. Наказание тем не менее было заменено на условное с обязательным привлечением к труду. И вместо пребывания в исправительно-трудовой колонии общего режима он отработал срок на стройках народного хозяйства, или, как тогда говорили, «на химии».

Мать его от переживаний заболела и умерла. Муромский вернулся в родной город. Арест, тюрьма, суд, «химия» здорово изменили его. Видимо, в его сознании прошли какие-то серьезные «химические» процессы. Выпускник Московского университета окончательно превратился в цепкого, не стесняющегося в средствах дельца, убежденного, что в воровстве главное не попадаться. У него появились и соответствующие партнеры, не стеснявшиеся решать вопросы на уголовный манер.

Но его все время тянуло в столицу. Муромский продал квартиру матери и уехал в Москву.

В Белокаменной, где о его судимостях никто не знал, он благодаря университетским друзьям оказался вхож в компанию молодых людей без предрассудков – из семей писателей и художников, кучковавшихся в районе творческих кооперативов на Ленинградском проспекте. В этой веселой компании, кроме фарцовки, пьянства и наркотиков, занимались еще и весьма специфическим бизнесом – через многочисленных знакомых и приятелей, живших за границей, желающим устраивали отъезд за «бугор» с помощью фиктивных браков с иностранками. В Москву специально для этого дела прибывали романтически настроенные девицы из «свободного мира», которые готовы были помочь молодым талантам, погибающим под гнетом тоталитаризма. Девицы были большей частью некрасивые и неудачливые в личной жизни. Но красота в условия контракта не входила.

Муромский, уверенный, что судимость и уголовное прошлое перекрывают ему в Советском Союзе все пути наверх, решил уехать из страны. И сделал заказ своим новым друзьям. Ему выпала плотно сбита испанская девушка по имени Франциска. Как потом выяснилось, из семьи потомственных испанских коммунистов. Потянулась тихая, нудная жизнь в Мадриде. Муромский занялся каким-то бизнесом, зарегистрировал пару фирм, попытался провернуть несколько сомнительных операций, уйти от налогов, но на него сразу вышла испанская полиция, и он, видимо, вспомнив памятное избиение в штабе оперотряда, сразу затих.

В год Московской Олимпиады у них с Франциской родился сын, которого назвали Рафаэлем в честь какого-то испанского дедушки Франциски. С сыном Муромский всегда разговаривал только по-русски, понимая, что второй язык парню не помешает. А в России уже что-то творилось... Муромский внимательно приглядывался к переменам в родном отечестве, жадно втягивая ноздрями воздух, что-то предчувствуя. Когда на родине появились первые кооперативы и официальные миллионеры, он понял, что пришло и его время попытать счастья. В родном отечестве пахло сумасшедшими деньгами, а не жалкими двумя процентами прибыли, как в млеющей от жары Испании. И он рванул в Москву.

Как рассказал Ледникову перед отлетом отец, Муромский оказался в обезумевшей от перемен столице нарасхват. С одной стороны, свой, да еще с опытом подпольной коммерческой деятельности и криминальными знакомствами. А с другой – генеральный директор нескольких иностранных фирм, именно так он представлялся, да еще знающий, как ведутся дела за рубежом. К тому же несколько его знакомых по университету и компании с «Ленинградки» оказались вхожи в кабинеты младореформаторов, деливших среди своих советское наследство и природные богатства.

Начал Муромский, естественно, с поставок компьютеров, а потом принялся торговать всем чем можно – от алмазов до томатной пасты и минеральных удобрений. Когда первый капитал был уже сколочен и переправлен в Мадрид, он решил, что самое выгодное – заняться нарождающимся частным банковским делом. Он успел к этому корыту в числе первых и получил в свое распоряжение такие бюджетные средства, которые не могла принести никакая торговля. Правда, банки под бандитскими крышами тогда стали плодиться, как тараканы, но банк Муромского выскочил среди них как самый солидный из новых. Бывшие комсомольцы, мелкие кооператоры, серые инженеры, спешно закончившие бухгалтерские курсы, мелкие жулики, прошедшие тюремную школу, – весь этот сброд ринулся в столь заманчивый банковский бизнес. Роль служб безопасности в таких банках взяли на себя не только бывшие работники правоохранительных органов, но и большей частью откровенно бандитские группировки. И новоиспеченные президенты и менеджеры коммерческих банков оказались под «чисто конкретным» присмотром уголовников. При нужде или просто для острастки их отстреливали дома, взрывали на улицах, резали в загородных резиденциях, закапывали в могилы на опушках подмосковных лесов... Муромский, хотя и имел знакомства в бандитском мире, сразу сделал ставку на бывших сотрудников органов, оказавшихся без работы, но сохранивших связи в соответствующих «конторах». Поэтому откровенные уголовники на него не наезжали, а неприятности в государственных структурах он умел улаживать по-тихому.

Липовые кредиты и контракты, фальшивые авизо и элементарное «кидалово», многократная прокрутка бюджетных миллиардов и стирка «грязных» денег – чем только не занимался Муромский, он не брезговал ничем, но тем не менее за его банком, связанным с государственными структурами, по-прежнему сохранялась репутация «одного из самых надежных». К тому же он с помощью рекламы и совместных акций подкармливал свободную демократическую прессу и отдельных «независимых» журналистов, которые создавали ему благопристойный имидж и вносили его банк в верхние строчки всевозможных рейтингов надежности.

Значительную часть капитала Муромский гнал в Мадрид, где стремительно растолстевшая, как слон, сеньора Франциска, у которой неслыханные деньги отбили всякую память о коммунистических пристрастиях своего семейства, жадно скупала квартиры, машины, поместья и всевозможные иные прочие радости...

Сына Муромский привез с собой в Москву – пусть учится жизни, в жарком Мадриде ее настоящего, терпкого и злого вкуса не поймешь. Внешне Рафаэль совершенно не походил на мать – тщедушный, вихрастый, узкокостный, вертлявый, вьющийся, как пиявка, с жадными, быстрыми глазами и ядовитой ухмылкой. В дорогой частной школе он сразу занял свое место в компании одноклассников, большинство которых было и здоровее, и сильнее его. Он брал наглостью, хитростью, умением спрятаться за спины других. А еще он был мстительный. Обиды и унижения запоминал навсегда и мстил, но не сразу, а выбрав подходящий момент. Причем самыми разными способами. Кого закладывал учителям, на кого натравливал приятелей посильнее. Мог подбросить наркотики, а потом заложить. Когда подрос, стал прибегать к услугам мужиков из службы безопасности банка. Пару непонятливых придурков из школы они аккуратно припугнули так, что мало не показалось. Сами, конечно, руки не марали, а организовали драку в кегельбане с какой-то шпаной; одного из обидчиков Рафаэля, уже и забывшего об их давней стычке, родителям пришлось везти для лечения за границу.

Когда Рафа окончил школу, Муромский решил отправить его учиться в Лондон, но сын заупрямился. Сказал, что от учебы в МГИМО проку будет больше, потому как сам Муромский учил его, что самое главное в жизни – личные связи. Но, судя по всему, ему просто не хотелось расставаться с компанией друзей и девиц из богатеньких семей, возмнивших себя «золотой молодежью» и элитой общества.

В романтические студенческие годы Рафа ничем не отличился. «Обычный богатый мерзавчик, очумевший от денег, которого родитель не знал чем ублажить, – рассказал Ледникову приятель, наблюдавший по долгу службы за мирком наследников новых хозяев жизни. – Какой-то комплекс его все время грыз, правда. Может, из-за того, что всегда выглядел пацаном, оказавшимся среди взрослых. Очень любил кого-нибудь из друзей или подруг, что покрасивее, подставить или поддеть. Но до серьезных вещей не доходило, обошлось без уголовщины... Ну, наркотики, девки, дорогие машины, курорты... Вот такая обычная для этого дерьма житуха». «Ты, смотрю, их не жалуешь!» – засмеялся Ледников. «Так не за что жаловать, – хмыкнул приятель. – Паразиты, от которых ни толку, ни пользы. Вырожденцы. Из них энергия такая же дурная исходит – вырожденческая уже, разлагающая все вокруг. Когда папаша этому мерзавчику квартиру в Лондоне купил, он стал среди девок победнее кастинги устраивать – на поездку в Лондон. Вез со своими приятелями сразу нескольких. Оплачивал проезд, проживание, подарки... Что они там в его квартире с этими девками вытворяли, можешь себе представить. Вот это он любил – купить, а потом использовать, понимая, что отказа не будет. При этом от девок-то ничего не скрывалось, все знали, как расплачиваться придется... Но все равно они к нему в очередь выстраивались...»

Собственно, познавательная информация о Муромском-младшем на этом и заканчивалась. После окончания института отец пристроил Рафу в свой банк. Не обремененный никакими обязанностями, он жил то в Москве, то в Лондоне, а потом вдруг возник в качестве делового партнера лорда Лоутона, жениха Гланьки, в деле спасения RWG.

По сути, это было его первое самостоятельное движение в бизнесе. Деньги на него, разумеется, обещал дать Муромский – чем бы дитя ни тешилось... А с другой стороны, почему не посмотреть, получится что-либо у сыночка? Может, тот обнаружит наследственную хватку?

Комментарии в английской и российской прессе были снисходительно-удивленные, скорее выжидательные, чем критические и скандальные. Многие наблюдатели уверяли, что за проектом стоит Муромский-старший, а с его возможностями спасти RWG вполне реально. Нежданная гибель Муромского-старшего в своем собственном бассейне смешала все карты и могла вызвать большой шум вокруг сделки, но английская пресса была слишком увлечена историей с полонием, чтобы всерьез заняться еще и этим делом...

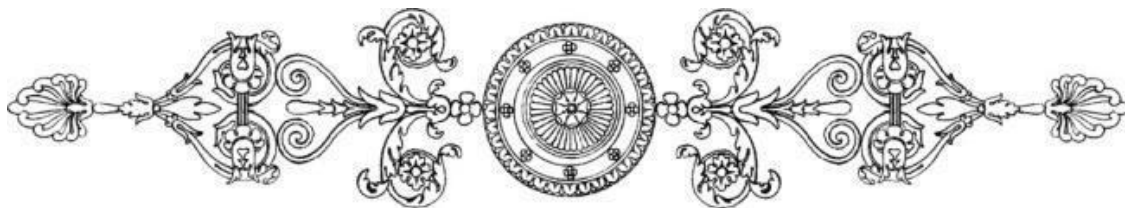
Чем меньше времени оставалось лететь, тем больше Ледников думал о встрече с Гланькой, пытаясь представить себе, как все пройдет – какими будут первые слова, первые жадные и любопытные взгляды... Что меняется, если она теперь невеста лорда, а у него есть Разумовская? Все равно это неминуемо – они будут инстинктивно пытаться понять, что другой помнит о прошлом, кто они другу другу теперь...

Время от времени он заставлял себя отвлечься от этих мыслей и подумать о другом, например о том, как построить разговор с отставным агентом Скотленд-Ярда Крейгом Вудгейтом, обратиться к которому посоветовал отец. Когда-то они вместе с Вудгейтом занимались розыском нацистских преступников, Вудгейт несколько раз прилетал в Москву, и с тех пор они перезванивались и поздравляли друг друга с Рождеством. Отец сказал, что Крейг настоящий полицейский, политическая истерика на него не действует, он верит только фактам и конкретным доказательствам. А еще он не считает всех русских с пеленок агентами КГБ, что для нынешней Англии, судя по тому, что там творится, большая редкость. Еще отец добавил, что с Крейгом можно быть довольно откровенным.

Это, конечно, замечательно, подумал Ледников, но если Вудгейт такой профи, значит, надо не делиться с ним туманными соображениями и сомнениями, а четко сформулировать просьбы. Причем, как предупредил отец, надо помнить, что Крейг не станет обращаться за содействием к бывшим коллегам по Скотленд-Ярду. Профессиональная этика у таких джентльменов, как он, даже не вторая, а первая натура.

Глава 3

As drunk as a lord. Пьян, как лорд

«И с ними была Брет...»

Именно эта фраза из поразившего в юности романа Хемингуэя почему-то вспомнилась Ледникову, когда он увидел Гланьку в толпе встречающих.

Она была в черных очках, по-мусульмански закутана в темный платок и все равно поразительно красива. Была красивее всех в огромном, набитом орущими людьми зале. Она смотрела на него не двигаясь, даже руки не подняла. Когда он подошел, сняла очки, пристально, без улыбки, осмотрела, будто насупившись, потом быстро поцеловала в щеку. Пахнуло тем самым запахом. Запах женщины, с которой была настоящая любовь...

– Поехали.

Гланька надела очки и пошла, не оглядываясь, к выходу. Ледников молча шел следом. Потом долго выбирались из автомобильной толчеи у аэропорта. Ледников заметил, что Гланька несколько раз озабоченно посмотрела в зеркало заднего вида.

– Думаешь, могут следить? – шутливо спросил Ледников. – Я, конечно, высокого мнения о себе, но не до такой степени!

Гланька скривила губы.

– Знаешь, я тоже была уверена, что я не принцесса Диана, чтобы за мной гонялись с фотокамерами! Но у здешних ребят из-за этого дурацкого полония крыша отлетела напрочь.

– Ты кого имеешь в виду – полицию?

– Нет, полиция меня пока не трогает. Хотя кто их там разберет! Я про наших коллег – журналистов. Они могут придумать что угодно! Если пронюхают, что я встречала тебя в аэропорту... Прямо вижу заголовки – «К невесте английского лорда, подозреваемой в причастности к гибели русского бизнесмена, из Москвы прилетел тайный агент КГБ». У тебя, Ледников, очень подходящая биография для тайного агента КГБ. Ты не находишь? Если они покопаются в твоей биографии, знаешь что они о тебе расскажут? Ого!

– Да читал я их писания! Я был лучшего мнения о добропорядочности и объективности английской прессы. Значительно лучшего.

– Знаешь, я тоже. Пока это не коснулось меня лично. А когда коснулось... Врут, суки, и не краснеют.

– А что наш потомок старинного аристократического рода? – с иронией спросил Ледников.

И тут же про себя подумал, что можно было спросить об этом без всяких подковырок. Проклятая манера шутить по любому поводу! Ситуация-то действительно омерзительная и к шуткам не располагает.

Гланька, к счастью, не обратила на его иронию внимания. Не удостоила.

– Седрик запил, – спокойно сообщила она, сосредоточенно следя за дорогой. – Занятие для настоящего мужчины, столкнувшегося с трудностями.

Ледников невольно рассмеялся.

– У невесты лорда те же трудности, что у всякой русской бабы, – мужик запил. Стоило ради этого уезжать? Надеюсь, он тебя не бьет? От большой любви?

Гланьку нужно было слегка взбодрить, вывести из этого дурацкого ступора, в котором она пребывала. А сделать это было проще всего, сказав что-то вызывающее или, на ее взгляд, обидное.

Гланька покосилась на Ледникова:

– А ты что – ревнуешь?

– Завидую, – демонстративно вздохнул Ледников.

– Ну? – изумилась она. – Это наводит на размышления...

Так, подумал Ледников, вот и пошел тот неминуемый разговор, в ходе которого каждый прощупывает: а ты помнишь? И что теперь? Неужели все в прошлом?

Но Гланька опять замолчала. Видимо, ее серьезно достали. Ледников принялся было рассматривать английский пейзаж за окном, но Гланька быстро справилась с собой.

– Кстати, Седрик тебе понравится.

– Это не обязательно, – пожал плечами Ледников. – Я прилетел не из-за него.

– Просто я хочу, чтобы ты сразу понял. Он хороший. Кстати, когда мы с ним первый раз встретились, он тоже был пьян в стельку. Причем уже не первый день.

– Может, у него это семейное?

– Нет, просто иногда он испытывает потребность надраться, как сапожник. И не обязательно от горя. По его глубокому убеждению, настоящий джентльмен должен время от времени надраться. Этому его научили в Кембридже.

– Где же ты его нашла в таком виде? Подобрала на улице?

– Нет. Он пришел с какой-то девицей на показ мод русских модельеров. Так как на моду ему наплевать, а угощали там, разумеется, водкой, он быстро и набрался до бровей. А уж когда после показа началась party с блинами и осетриной, добавил от всей души... И все это время нудно мешал мне работать.

– А ты что там делала?

Гланька недоуменно посмотрела на Ледникова.

– Делала репортаж для своей программы. И он меня просто достал – все время лез в кадр, размахивал руками, рассказывал про какую-то фею, которую я ему напоминаю. Фею!.. Во время съемок ты и так вся на нервах, а тут еще с какими-то феями достают!.. В общем, я его послала так, что даже до него дошло, что надо сматываться, иначе случится непоправимое... И он дал этой девице, которая его привела, увести себя.

– А чего это он к тебе приставал? Ему что – моделей было мало? Они же там стадами наверняка бродили?

Гланька фыркнула:

– Сравнил!

– Ах да, извини!

– Что-то и ты в Москве не с моделями сожительствуешь, – ядовито сказала Гланька. – А у вас там стада не меньше...

Так, про Разумовскую ей все известно. И, судя по всему, равнодушно она к этому не относится.

– Ну и что было дальше с твоим обаятельным пьяницей? – перебил ее Ледников. – Думаю, напившись, он бывает очень мил?

Гланька какое-то время молчала. Видимо, решала, стоит ли возвращаться к своему Седрику или пришла пора пройти по поводу Разумовской. Но интересы дела оказались важнее, и она торопливо поведала, что через несколько дней встретила трезвого, но помятого Седрика у дверей своей телекомпании. Он пришел просить прощения за свое безобразное и недостойное поведение, о котором он, правда, помнит весьма смутно. Гланька была уже в

более благодушном настроении. К тому же оказалось, что смущенный молодой человек в вельветовом пиджачке с заплатами на локтях и в джинсах – лорд Седрик Лоутон, сын виконта Эдварда Лоутона, наследник старинного и весьма состоятельного аристократического рода. Гланька решила, что поболтать с лордом в кафе будет занято, в трезвом виде к тому же в нем так и чувствовалась порода. Потом последовали другие встречи, и уже очень скоро Седрик объявил, что она – та женщина, без которой он не может теперь жить. Ну, вот так все началось, а потом она поняла, что Седрик действительно очень хороший... Кстати, он очень скоро начал знакомить ее со своими аристократическими родственниками, которые выглядели просто-напросто персонажами из романов про Дживза и Вустера.

– И с какого перепуга в сей трогательной идиллии возник Рафа Муромский? Зачем было с ним связываться лондонским аристократам?

Гланька не ответила. Она что-то высматривала за окном машины. Потом свернула с шоссе, а через пару минут остановилась.

– Пошли выпьем по чашке кофе. Тут рядом есть вполне пристойное заведение, насколько я помню.

Заведение было и впрямь недурственное – ресторанчик на первом этаже старинного особняка, по-английски утопающего в зелени и цветах, несмотря на декабрь. Гланька быстро разобралась с официантом и принялась за печальное повествование о явлении Рафы Муромского молодому лорду Лоутону.

Итак, она готовила программу, торчала на студии с утра до ночи, а Седрик предавался тому занятию, которому его научили в Кембридже. На сей раз у него был повод пить – рухнул очередной план спасения этого самого завода по изготовлению роскошных яхт по индивидуальным заказам. Семейство Лоутонов владело предприятием уже больше ста лет, а Седрик там часто бывал в детстве и юности, даже знал несколько семей рабочих, которые вкалывали на заводе из поколения в поколение. В общем, для него банкротство RWG было личной драмой. Так как бизнесмен из него никакой, выход существовал, собственно, один – или продать RWG целиком, или найти компаньона, который купит часть акций и будет располагать достаточными средствами, чтобы выплатить долги и заняться модернизацией. Вот Седрик и носился с этой идеей, а потом вдруг решил, что компаньоном может быть русский, у которых, как известно, денег теперь немерено...

– Это не твое влияние?

– Ты с ума сошел?! – с изумлением уставилась на Ледникова Гланька. – Я как могла убеждала его – только не связывайся с русскими!.. Но они же все видят только Абрамовича с его «Челси». Помешались на своем футболе! И потом, эти бесконечные разговоры, что русские скупают лучшие дома и квартиры в Лондоне за сумасшедшие деньги...

– Но ведь действительно скупают.

– Я не говорю, что не скупают. Я о том, как это действует на английские мозги... В общем, я пыталась объяснить Седрику, что дело это – мутное. «Ты же, – говорю, – знаешь, как у нас проходила приватизация и как сколачивались эти состояния. За ними в любой момент могут прийти и потребовать все обратно. И что ты будешь тогда делать?» Но куда там! Он вдруг вспомнил о миссии белого человека. Чем, говорит, быстрее мы сделаем русских предпринимателей частью цивилизованного бизнеса, тем быстрее они изменятся сами и изменят Россию! Россию он собрался изменить, представляешь?

– Слушай, а их первая встреча с Рафой правда была случайной? Может, ее кто-то специально организовал? Сам Муромский или кто-то другой?

– Понятия не имею. Все закрутилось с дикой быстротой. Потом, у меня своих дел по горло...

– Ну, и что дальше?

– А дальше этот мальчик Рафа стал ходить к нам в гости. Мы к нему тоже пару раз ездили... Планы такие разворачивал – куда там пятилетним! У него уже портфель заказов набит! Все российские миллиардеры выстроились в очередь! Теперь им без яхт не жизнь, причем самых дорогих, эксклюзивных, ручной работы. Будем их отделывать бриллиантами и золотом! Все та же ленинская мечта о золотом унитазе.

– И твой замечательный жених всему этому верил? – уточнил Ледников. – Верил, что все это всерьез и надолго, как нэп?

– Седрик в этих делах особенно не разбирается. А RWG для него – святое. В общем, юристы начали готовить сделку. И тут что-то переменялось. Все началось со смерти Муромского-старшего. Рафа стал крутить хвостом, что-то опять про футбольный клуб понес. Седрик, наоборот, решил, что надо спешить... Мне это все сразу показалось подозрительным. Я говорила Седрику: тормози, пока не поздно! Я его умоляла, понимаешь? Но...

Гланька задумалась, то ли подбирая слова, то ли решая, что стоит говорить, а о чем лучше и умолчать.

– Он вдруг как будто подпал под влияние этого мальчика, – неохотно сказала она. – Когда тот стал наследником состояния Муромского... Говорил, что у него возможности теперь не ограничены...

– А как наследство поделено между Рафой и его матерью?

– Я не знаю. По-моему, там есть серьезные проблемы – завешание не согласуется с брачным контрактом. Но Рафа уверял, что все это ерунда и бабки достанутся ему.

– А этот Рафа, он что из себя представляет?

– Змееныш, – поморщилась Гланька. – Ядовитый змееныш. В нем злобы выше крыши. Причем на всех. И не потому, что его кто-то когда-то обидел, а от природы, видимо. Душа у него такая – мерзкая. А на вид – пацан пацаном. Мне каждый раз, когда он на меня смотрел, хотелось ему рожу набить. Смотрит на тебя, а на уме явно что-то гнусное...

– А что же твой лорд? Слепой, что ли?

Гланька раздраженно махнула рукой:

– Он не просто лорд, а лорд-гуманист! А это диагноз неутешительный. Когда я ему говорю, что такое Рафа, он начинает объяснять мне, что внешность обманчива, а я слишком пристрастна к своим соотечественникам. Это он мне объясняет, кто такие мои соотечественники!

– Я тоже в некотором роде твой соотечественник, – сделал обиженное лицо Ледников.

– Иди ты! Вот не знала!.. – нервно хохотнула Гланька. – Для него этот проклятый завод – как мания. Вбил себе в голову, что спасти его – священный долг лорда Лоутона... А после смерти Муромского-старшего все приобрело какой-то фантазмагорический характер. Рафа стал говорить, что с деньгами у него теперь такой порядок, что ему все можно. И теперь он может даже футбольный клуб купить. Ну, естественно, мечта российского идиота, ему после Абрамовича без футбольного клуба никак!..

Гланька отпила глоток давно остывшего кофе и печально улыбнулась. Ледников протянул руку и положил свою ладонь на ее. Видимо, ей здорово достается. Она держится, но достается ей всерьез.

– Знаешь, я сначала даже обрадовалась – думала, он про RWG забудет. А Седрик, наоборот, стал торопиться, пока мальчик не остыл. А потом мальчик пропал. И найти его оказалось невозможно. Седрик пытался куда-то ткнуться, но ничего не узнал. Потом началась эта истерика с полонием и стало не до нас. Я еще подумала: неужели пронесло? Не знала, кому свечку ставить... Но тут вдруг появилась статья про то, что Муромского могли убить чуть ли не при моем непосредственном участии. А сегодня еще одна...

– Эту я не видел.

– Посмотри.

Гланька достала из сумки мятую газету и протянула Ледникову. Газета была предусмотрительно развернута на нужной странице. Фотографий там было штук пять, но самая большая – Гланьки. Она стояла босая на берегу моря, и ветер раздувал ее волосы. Слишком даже красиво.

– Где это ты? – невольно спросил Ледников.

– Это мы на завод этот с Седриком ездили, музей яхт смотрели.

На других фотографиях Ледников узнал обоих Муромских, сэра Лоутона... Еще был снимок поместья с бассейном, того самого, где утоп Муромский-старший, и фотография толстой, неприятной женщины. Как оказалось, жены и наследницы. Автором текста был все тот же Энтони Кросби. Парень ковал железо из всех сил.

Никакой новой информации Ледников для себя не обнаружил. Смысл текста был просто в нагнетании страстей. Зато Гланька в описании мистера Кросби представала все более зловещей и романтической фигурой – талантливая, жестокая, волевая, эта русская хищница совершенно подавила бедного и несчастного лорда, который в результате душевных терзаний запил. Эта женщина с таинственным прошлым всячески препятствовала заключению сделки с Муромским, к которой так страстно стремился несчастный лорд ради спасения «легенды английского яхтостроения». Она была готова на все, чтобы остановить сделку! А ведь ни для кого не секрет, что в случае заключения сделки главными клиентами RWG стали бы русские богачи и огромные суммы потекли бы из России...

– Огромные суммы потекли бы из России, – вслух повторил Ледников. – Можно подумать, они не текут...

Гланька пропустила его слова мимо ушей. Только нетерпеливо спросила:

– Ты прочитал последний абзац?

– Сейчас.

Из последнего абзаца Ледников узнал, что в настоящий момент свадьба лорда Лоутона и русской телезвезды Аглаи Востросаблиной, судя по всему, находится под угрозой срыва. Аристократические родственники молодого лорда встревожены неприятными, подозрительными слухами, роящимися вокруг его невесты. Им вовсе не хочется быть замешанными в скандал с русскими агентами, подозрительными смертями и исчезновениями... А британской полиции следовало бы повнимательнее присмотреться к госпоже Востросаблиной, вокруг которой завязался столь роковой узел.

Ледников мрачно посмотрел на Гланьку. Эта история, к которой он отнесся сначала достаточно легкомысленно – ну, ловит какой-то нагловатый журналист свою рыбку в истерических волнах, захлестнувших Лондон! – начинала нравиться ему все меньше. Появилось нехорошее предчувствие, что все плохое еще только начинается.

– Ну, и что ты об этом думаешь? – спросила Гланька. Она пыталась выглядеть спокойной, но было ясно, что она уже на пределе.

– Давай рассмотрим варианты, – рассудительно сказал Ледников. Гланьку надо было как-то успокоить.

Она послушно кивнула.

– Первый вариант – твоя личная жизнь. Кто-то хочет расстроить вашу свадьбу. Не думаю, чтобы все аристократические родственники Седрика были в восторге от нее. К тому же могут быть отвергнутые невесты... У него до тебя была невеста?

– Насколько я знаю, нет. И потом, родственники и отвергнутая невеста вряд ли стали бы травить и похищать русского мальчика Рафу... Согласись?

– Ну... С другой стороны, вряд ли они все были в восторге от планов Седрика сделать Рафу своим компаньоном.

– Да, но... Ничего, кроме неудовольствия и предостережений, они предпринять не могли. В принципе.

– Я же не имею в виду, что они сами занялись уголовщиной... Например, пользуясь своими связями, они привлекли спецслужбы, которые не могли не интересоваться и мальчиком Рафой, и сделкой по приобретению легенды английского яхтостроения... А эти ребята могут складывать очень сложные комбинации. Кстати, они не могли не интересоваться тобой...

– Мной? – удивилась Гланька. – Ты знаешь, сколько сейчас здесь русских?

– Знаю. Чуть ли не полмиллиона... Но ты не нищая студентка и не гувернантка. Таких, как ты, особенно после того, как появился Седрик, спецслужбы всегда пасут. У них работа такая...

– Ну и что у нас получается? – нетерпеливо спросила Гланька.

– Получается у нас пока так: или идет, как говорят у нас на родине, наезд на тебя, и история с Рафой лишь повод для этого... Или, наоборот, наехали на Рафу... А тебя подставляют для отвода глаз, пользуясь тем, что в нынешней ситуации местные товарищи готовы поверить во что угодно...

– Ледников, пожалей меня, – вдруг жалобно сказала Гланька.

В ее голосе и глазах было столько тоски, что Ледников прервался на полуслове. «Чего ты ее грузишь? – выругал он себя. – Человеку помощь нужна, сочувствие, а ты версии набрасываешь».

– Извини, – пробормотал он. – Я как старый мерин в борозде – только и знаю, что версии сочинять и мотивы выискивать.

Гланька вдруг посмотрела на него не жалостно, а с азартом:

– А-а... госпожа Разумовская в курсе, зачем ты полетел в Лондон?

Ледников про себя усмехнулся – он опять недооценил жизнестойкость этого создания. Ей для передышки надо буквально несколько мгновений, и она опять становится самой собой.

– В курсе, – пожал он плечами.

– И? – не отставала Гланька. – Прямо так и отпустила?

– А я и не спрашивал! – глядя ей прямо в глаза, парировал Ледников.

Гланька довольно улыбнулась.

– Вот интересно, что ты ей о нас рассказывал? Хотелось бы послушать.

– Размечталась! – покачал головой Ледников. – А может, она о нас ничего не знает...

– Ну да! – довольно, по-кошачьи потянулась Гланька. – Не знает! Еще как знает!

– А откуда ты знаешь, что она знает?

– Она сама мне сказала. Мы с ней тут очень мило провели время.

Вот так. Как все просто. Мог бы и догадаться, что две эти хищницы сами разберутся между собой. Разумовская бывает в Лондоне несколько раз в году, так что встретиться им ничто не мешало. Можно представить, как им обоим хотелось поговорить о нем, выпустив когти наружу...

Он посмотрел на состроившую невинное лицо Гланьку. Нет, милая, о том, что тебе сказала Разумовская, я спрашивать не буду. Не дожدهшься!

– Вот такие дела, красавчик, – вдруг сказала с печальной улыбкой Гланька. – Кстати, ты нынче полный комильфо...

Только два человека на свете знали, что стоит за этим пошлым «красавчиком» и дурацким «комильфо». Только она и он...

Был июнь. Летняя теплынь. Москву занес тополинный пух. И его друг Артем Востросаблин потащил Ледникова на дачу. Они тогда перешли в десятый класс и чувствовали себя вполне готовыми к веселой жизни. На даче, правда, была Виктория Алексеевна, мать Артема, и дочка его старшего брата Андрея, уехавшего отдыхать на юг. Они им не мешают, сказал Артем, залезем на второй этаж и будем делать что хотим. Когда приехали на дачу, у Артема с матерью тут же возник отчаянный громогласный спор в сицилийском духе, потому что он что-то забыл, не купил, не привез... Ледников им ничуть не мешал. Не прекращая ни на секунду

ссориться, они скрылись в доме, а Ледников остался на веранде. Он уселся в старенькое кресло-качалку и закурил. Тогда он начал курить, потом, правда, очень быстро бросил.

Он курил, смотрел на темную стену сосен за оградой, вдыхал опьяняющий запах, исходивший от куста жасмина, росшего у веранды, слушал гул пролетавшего где-то высоко-высоко самолета и вряд ли о чем-либо думал и чего-либо ждал. И тут из-за куста появилась худенькая девчонка в одних трусишках. На ее смуглое тельце с по-детски выпирающим животиком еще не было нужды надевать даже майку. Она поднялась по ступенькам на веранду, остановилась перед Ледниковым и наставительно сказала:

– А курить – это не комильфо! Можно нашу дачу поджечь.

Ледников с изумлением смотрел на тщедушное создание с ободранными коленками, вымазанными зеленкой. Создание повертело головой, шаркнуло ножкой и объявило:

– А вообще-то ты красавчик.

Ледников чуть не поперхнулся дымом.

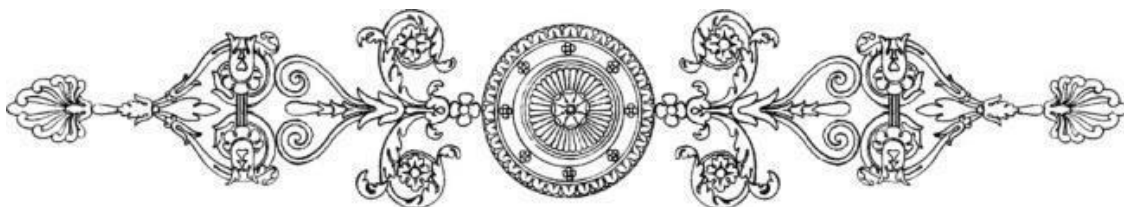
– Да-да. – Создание оценивающе посмотрело на него темными строгими глазами. – Настоящий красавчик. В моем вкусе.

И кто же мог представить, что тогда началось то, что останется с ним уже на всю жизнь и составит, может быть, один из самых главных и прекрасных ее моментов...

Глава 4

Old friends and old wine are the best.

Старые друзья и старое вино лучше всего

Гланька подвезла его к гостинице. Она называлась женским итальянским именем «Джоли». Ледников выбрался из машины и не поверил своим глазам – в нескольких шагах от него высилось здание Скотленд-Ярда со знаменитым вращающимся призматическим треугольником.

– Интересно, с каким умыслом ты выбрала гостиницу рядом с этим учреждением? – спросил он.

– Чтобы быть за тебя спокойной, – не моргнув глазом ответила Гланька. – И потом, это любимая гостиница российского посольства. Так что к русским тут привыкли и не считают, что все они агенты КГБ и запойные пьяницы. И, кстати, говорят, что тут во время войны проводил некие неформальные переговоры сам Черчилль и потому есть подземный туннель прямо к его бункеру.

– Именно то, чего мне так не хватало, – подземный туннель!

Гланька быстро поцеловала Ледникова в щеку и умчалась приводить в порядок своего лорда, чтобы завтра утром Ледников мог с ним нормально проговорить. Как она сказала, главное – не дать ему надраться вечером, тогда есть шанс.

Номер был как раз такой, какие Ледников предпочитал. Дорогой, удобный, но без ненужных роскошеств, из-за которых чувствуешь себя будто в музее. Комната и спальня.

Вечер только начинался, и успеть еще можно было многое. Для начала Ледников договорился о встрече завтра утром с мистером Крейгом Вудгейтом. Встреча должна была состояться в пабе «Принц Альберт». А потом он позвонил своему студенческому приятелю Модесту Талалаеву, уже много лет жившему и работавшему в Лондоне. Несколько раз Ледников даже останавливался у него, когда был стеснен в средствах, чтобы не тратить деньги на гостиницу.

Модест был помешанным англоманом еще в студенческие годы. На первом занятии по английскому он представился преподавателю так: «Модди Талалаев». Преподаватель, измученный язвой и студенческой тупостью, поднял на него страдальческие глаза: «Модди Талалаев, значит?... Очень приятно. А я – Харитон Петрович. Всего-навсего. Но вы уж тогда называйте себя лучше Мудди... Мне кажется, это будет и на английский манер, и больше соответствовать содержанию». Модест потом долго отдирал прилипшую к себе кличку, но любви ко всему английскому остался верен.

За проведенные в Лондоне годы он превратился в самого настоящего англичанина, говорящего по-русски с заметным акцентом. Но при этом Модест сберег в душе русскую удаль и даже ухарство, которые, правда, превратились в корректную английскую страсть к приключениям и экстравагантному поведению, разумеется, в свободное от работы время.

С помощью Модеста Ледников хотел посмотреть в глаза господину Энтони Кросби, материалы которого произвели на него столь сильное впечатление.

Модест понял его с полуслова. Он был в курсе скандала вокруг Гланьки. К тому же, как выяснилось, даже несколько раз имел дело с этой газетой, знал там пару человек, которые могли вывести на Кросби.

Он перезвонил минут через десять и сообщил, что сейчас господин Кросби пребывает в пабе рядом с редакцией и будет там еще, видимо, неопределенное время.

– Встречаемся у входа? – деловито осведомился Модест.

– Ты хочешь принять участие в допросе? – спросил Ледников.

– Нет, я буду стоять на стреме, – расхохотался Модест. И заговорщицки прошептал: – Ты только самое главное не забудь.

– Что именно?

– Что? Полоний, конечно! Будем этому гаду в эль полоний сыпать и тайны его мерзкие выведывать!

– Свихнулись вы тут со своим полонием! – буркнул Ледников.

– Полоний не трожь! – строго оборвал его Модест. – Для истинного лондонца это теперь святое.

У Модеста была по-детски большая голова и лицо постаревшего ребенка. На затылке начинала поблескивать аккуратная лысинка. Так как Ледников был выше его на голову, рассмотреть ее не составляло труда. Одет был Модест как истинный клерк, а в руках у него, разумеется, был зонтик-трость.

– Ну, пошли попытать? – нетерпеливо спросил Модест, даже не здороваясь. Можно было подумать, что они расстались только утром. Впрочем, последний раз они виделись летом в несусветную жару, буквально задушившую Лондон, а осенью Модест прилетал в Москву, и они вполне весело провели вечерок.

– А ты знаешь его в лицо? – спросил Ледников.

– Нет, но мне дали его словесный портрет.

Модест обожал в разговорах с Ледниковым вставлять всякие криминалистические и юридические обороты.

– Во-первых, он лысый, как коленка. Во-вторых, у него бородка типа эспаньолки. В-третьих, он будет основательно пьян. Думаю, что людей с такими приметами в этом пабе не очень много.

Модест оказался совершенно прав. Лысый мужчина с бородкой сидел за столиком у окна и был заметно выпивши. Вот только сидел он не один. Напротив него устроился какой-то блондин в легкой дубленке и что-то быстро говорил, близко наклонившись к собеседнику.

Ледников устроился за соседним столиком, а Модест пошел к стойке заказывать выпивку. Расслышать, о чем толкуют Кросби и его светловолосый собеседник, было практически невозможно, в пабе уже начался вечерний бедлам. Ледников только увидел, как собеседник Кросби вытаскивает из кармана дискету для компьютера и кладет ее перед ним на стол. Кросби уставился на дискету пьяными глазами, но брать не стал, она так и осталась лежать перед ним.

Потом мужик в дубленке встал, наклонился над Кросби, сказал ему что-то явно угрожающее и вышел из паба. Тут как раз подрулил Модест с пивом.

– Ну, клиент свободен! – азартно прошептал он после того, как всосал полкружки. – Пошли вздернем нашего голубя на дыбу...

– Надо придумать, как мы ему представимся, – придержал его Ледников.

Модест снисходительно посмотрел на него:

– Кем представляются творческим людям? Поклонниками. Скажем, что читаем его опусы и нам очень интересно, не будет ли продолжения...

Ход был нормальный. К тому же Кросби пребывал в таком состоянии, что особые тонкости уже и не требовались. Он сидел, прикрыв глаза, и время от времени удрученно покачивал головой.

– Я буду добрый, а ты злой, – азартно сказал Модест. – Я хвалю, а ты давишь на предмет того, где он берет информацию.

Они подошли со своими кружками к столу Кросби и сели напротив. Причем Ледников умудрился так неудачно поставить свою кружку, что она целиком закрыла от Кросби лежавшую на столе дискету. Кросби на них никак не отреагировал. Деликатное покашливание Модеста тоже не произвело на него никакого впечатления. Тогда Модест бесстрашно ринулся в бой.

– Мистер Кросби, а я вас сразу узнал. Вы хороший журналист, мистер Кросби, и лихо пишете. Особенно нам нравятся ваши заметки о русских шпионах...

Ледников не успел вступить в разговор, потому что мистер Кросби разлепил веки и уставился на Модеста мутными глазами.

– Русские шпионы! – с ненавистью процедил он. – Пошли вы все к черту с вашими русскими шпионами! Я ничего не хочу о них больше знать!.. Что вы все ко мне лезете с этими русскими шпионами! Задолбали!

После этого вопля души Кросби с трудом поднялся, с еще большим трудом выбрался из-за стола и двинулся к выходу.

Модест с недоумением смотрел ему вслед.

– Мистер Кросби! – крикнул он, когда тот был уже у самых дверей.

– Да ладно, брось, – остановил его Ледников. – Он сейчас в таком состоянии, что от него ничего не добьешься... Завтра поговорим. Тем более есть повод!

– Какой?

– А мистер Кросби забыл одну маленькую штучку, – засмеялся Ледников, отодвигая свою кружку от дискеты. – Завтра мы ее благородно вернем ему.

Модест задумчиво уставился на дискету.

– Очень благородно – сначала спереть, а потом вернуть.

– Он просто забыл ее... – поправил его Ледников.

– Вот до чего доводят бедного англичанина эти вездесущие русские шпионы! – с пафосом воскликнул Модест.

– Дорогой Мудди, – проникновенно сказал Ледников, – вашему брату англичанину не мешало бы немного подлечиться. Иначе скоро вы будете сигать из окон с криком: «Полоний!»

– Нет, – уперся Модест. – Сигать из окон будут американцы, а настоящий англичанин честно пойдет навстречу опасности – закажет столик в ресторане «Полоний» и будет пить там зараженный чай.

– Ах да, я забыл! – хлопнул себя по лбу Ледников.

Еще в Москве он видел по телевизору репортаж из Лондона про какой-то никому не известный ресторан под названием «Полоний», который после известия об отравлении Литвиненко вдруг стал пользоваться бешеной популярностью, хотя в самом ресторане ничего не изменилось. Какие радости могут привлечь туда людей, он уразуметь так и не смог.

– Слушай, а ты вот можешь объяснить чего они туда прутся? Чего они там хотят увидеть?

– Ну... – закатил глаза Модест.

– Ладно, – отмахнулся Ледников, – не парься. И не начинай читать мне проповеди про истинных англичан. Знаем мы вас. Я тут смотрю по Би-би-си репортаж после какого-то футбола. И вот ведущая в студии говорит, что английские болельщики снова опозорили страну и нацию своим безобразным поведением. Ведущая, заметь, самая натуральная индуска. Сейчас, говорит, передаю слово нашему корреспонденту. Появляется корреспондент – араб с плачущими глазами. Показывает на мужиков за решеткой и говорит: вот они, те, кто позорит Англию, из-за кого порой стыдно называться англичанином. А за решеткой – одни англосаксы

белые... Вот ты бы среди них точно сошел за своего! Так что – не пой, красавица, при мне ты песен Англии печальной! А то, знаешь, напоминают мне оне... кое-чего...

Но у Модеста и так не было никакого желания спорить. Он задумчиво чесал нос.

– Ну что, Ледников, вспомним молодость?

– Только, знаешь, без фанатизма.

– Тогда поехали ко мне, я сброшу эту проклятую сбрую, – он подергал себя за жилет, – и покатаем по значным местам. Мы пройдемся по ним Карфагеном!

Это было выражение, которое прочно вошло в их арсенал после прочтения романа Юрия Трифонова «Старик».

– Компьютер у тебя дома есть? – осведомился Ледников. – Посмотреть, что там на этой дискете? Прежде чем благородно возвращать...

– Найдется, – успокоил Ледникова повеселевший Модест.

Пока Модест приводил себя в надлежащий вид, Ледников включил компьютер и вставил в него дискету. Файл на ней был только один. Когда Ледников открыл его, то увидел себя самого. Это была фотография, взятая с обложки книги, которую они недавно издали с отцом. Выглядел на ней Ледников крутым молодцом – темные очки, камуфляж, тельняшка... Натуральный командос. Люди в издательстве попросили что-нибудь необычное для контраста с фотографией отца, на которой он в строгом костюме сидел в роскошном старинном кресле, положив руки на трость. Вот Ледников для смеха и дал им фотографию, сделанную несколько лет назад во время поездки в воинскую часть. Издательские художники тогда чуть не заплакали от счастья.

Налюбовавшись собой, Ледников принялся за текст. Он был невелик. В нем коротко излагалась его биография – сын бывшего заместителя Генерального прокурора, выпускник юрфака университета, следователь прокуратуры, потом следователь прокуратуры по особо важным делам, занимавшийся несколькими секретными расследованиями совместно с ФСБ, в последнее время занимается расследованиями и аналитическими прогнозами под видом журналиста...

Близкий друг семьи Востросаблиных, особенно близок с Аглаей Востросаблиной. Есть сведения, что он прибыл в Лондон для проведения завершающей стадии операции, жертвой которой стал молодой российский бизнесмен Рафаэль Муромский...

В общем, при небольшом умении из этого портрета вполне лепился образ тайного агента КГБ, выполняющего особые задания.

– Ледников, это ты, что ли?

Модест из-за его спины рассматривал фотографию на экране монитора. Он был уже в джинсах и зачуханном свитерочке с залихватской надписью «Unlimited» на груди.

– Ну ты, блин, красавчик! Супермен!

– Когда это было! – усмехнулся Ледников.

– И что все это значит? Они принялись за тебя? – озабоченно спросил Модест.

– Видимо, на основе этой информации мистер Кросби должен был состряпать продолжение своей шпионской саги, – предположил Ледников. – Но почему-то заупрямился... Почему? Может, потребовал повышенный гонорар?

– А может, совесть заела? – предположил Модест. – Помнишь, как он взвился насчет русских шпионов?

– Конечно, английские джентльмены взяток не берут!

– Одно другого не отменяет, – парировал Модест. – Не забывай, это не какие-то солнечские отморозки!

– Что ж, тем более необходимо завтра поутру побеседовать с мистером Кросби. Может, с похмелья у него и совесть разыграет...

– Бывает, – согласился Модест. – Мне с похмелья всегда кажется, что я уже никогда в жизни не совершу ничего предосудительного. Представляешь себе? Но у нас-то с тобой пока ни в одном глазу. Помчали!

Лондонский вечерок прошел в лучших московских традициях. Они с Модестом обошли чертову тучу пабов и баров и порядком набрались. Но Ледников, помня о том, что завтра у него трудный день, себя контролировал.

В общем-то он был совершенно вменяем, когда позвонила Гланька. И тем не менее та сразу подозрительно спросила:

– Ледников, ты тоже набрался? Господи, что же у меня за судьба такая! Только одного уложила, чтобы он завтра был вменяемый, так тут же другой накачался!

– Глань, все, что ты говоришь, звучит просто чудовищно. Со стороны можно подумать, что у тебя два сожителя!

– А знаешь, что-то в этом есть... – задумчиво протянула она, ничуть не смутившись. – Я вдруг подумала, что...

– Что?

– Ничего, – засмеялась Гланька. – Сам подумай. И будь добр, запомни, что завтра мы ждем тебя к обеду. Надо серьезно поговорить. Седрик начал психовать, он хочет обратиться в полицию, к премьер-министру... Ну и все такое прочее. Вплоть до ООН. В общем, хотелось бы, чтобы ты завтра был трезв и годен для серьезного разговора. Вот уж не думала, что встанет проблема, как свести вас с Седриком в трезвом виде!

О дискете Ледников ей ничего не сказал – хватит с нее впечатлений.

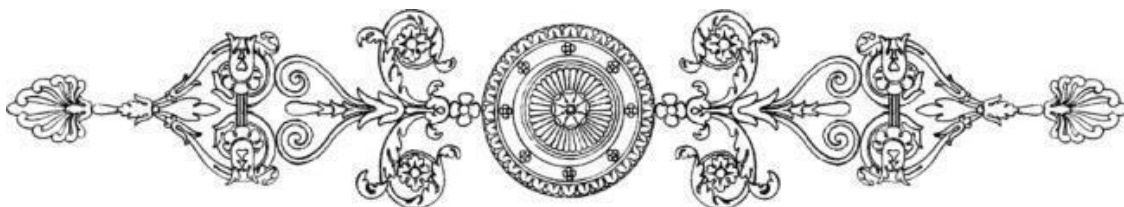
Только в начале первого Ледников уговорил разошедшегося Модеста отправиться домой. В Москве-то уже была глухая ночь, и он валился с ног от усталости. В гостинице он, прежде чем уснуть, мысленно подвел некоторые итоги дня – надо было дать работу подсознанию на ночь. Утром, как знал Ледников, мозг непременно выдаст несколько идей и соображений.

И хотя он всегда мучительно плохо спал на новом месте, на сей раз заснул легко и быстро, словно в своей московской квартире, а не в номере лондонской гостиницы рядом со Скотленд-Ярдом.

Глава 5

You cannot teach old dogs new tricks.

Старого пса новым трюкам не выучишь

Разбудил его телефонный звонок.

Звонила Гланька.

– Ледников, ты там как? – первым делом заботливо поинтересовалась она.

Ну, просто верная жена запойного пьяницы, прекрасно осведомленная о том, какие муки переживает человек с похмелья.

– Глань, я нормально, но...

– Что?

– Я не привык, чтобы обо мне поутру так заботились.

– Ну, извини... Я не виновата, что ты вызываешь у меня материнские чувства.

Вот только этого не хватало, подумал Ледников. Но Гланька перебила его мысли:

– Ты газеты еще не видел?

– Признаться...

– Погиб Кросби, – сказала Гланька.

И замолчала, давая Ледникову время переварить услышанное. Не дождавшись ответа, она нетерпеливо напомнила:

– Тот самый журналист, который писал про исчезновение Рафы.

– Что значит – погиб? – недоверчиво спросил Ледников.

Он вспомнил вчерашний неудавшийся разговор в пабе, безумные глаза Кросби... А потом глаза его остановились на дискете, лежавшей на столе. Дискете, которую вручили Кросби и содержавшей материалы о нем, Ледникове...

– Погиб – значит умер, – сказала Гланька.

– Его убили?

– Нет, он отравился газом. Его нашли на кухне – конфорка была включена и залита кофе. Здесь пишут: соседи, которые видели, как он возвращался, говорят, что он был совершенно пьян. В редакции подтвердили, что он начал пить еще на работе...

Ну, это-то не новость, подумал Ледников.

– Это все?

– Ты плохо о них думаешь. Разумеется, еще они пишут, что эта смерть, если она не была естественной, скорее всего связана с теми статьями, которые в последнее время писал Кросби... И что он собирался продолжить свое расследование, готовил новый сенсационный материал. В общем, нам, видимо, надо ждать визита полиции.

– Ничего, визит полиции – это еще не трагедия. Как Седрик?

– Седрик? – задумчиво переспросила Гланька. – Боюсь, ему снова хочется выпить.

– Постарайся удержать его от этого дела до моего прихода. Через час у меня важная встреча, а после нее я могу приехать прямо к вам...

– Я буду ждать, – тихо сказала Гланька и положила трубку.

Ледников раздернул шторы и уставился в окно. Был уже десятый час, но сумрачный декабрьский денек и не собирался разгораться. Тот же надоевший московский сумрак. Та же беспощадная привычная жизнь, где убивают, шантажируют, пьют от бессилия, спасаясь от собственных страхов и угрызений совести.

В ванной он думал о том, что на месте блондина в дубленке, с которым бедняга Кросби встречался вчера в пабе, он теперь подбросил бы такую же дискету в редакцию газеты, и они, разумеется, точно бы выдали очередную сенсацию, которую так ждет английская публика, наэлектризованная полонием.

Потом позвонил Модест. Как в старые добрые времена – надо было утром удостовериться, что твой вчерашний собутыльник жив-здоров и не натворил чего-то непоправимого. К тому же он уже был в курсе случившегося с Кросби.

– Валь, ты там давай поосторожнее! – В голосе Модеста звучала искренняя и трогательная озабоченность. – Ты уверен, что эти козлы, которые его замочили, теперь не примутся за тебя? Если что – сразу звони. У меня есть кое-какие связи...

Крейг Вудгейт сидел за столиком в углу, откуда ему был виден весь зал, и читал газету. Ледников помнил его высоким, прямым, несколько скованным в движениях, как потом выяснилось, от хронических болей в колене. Настоящий английский офицер со щеточкой усов. В нем было обаяние доброжелательного, ироничного, но несколько печального джентльмена, много повидавшего в своей жизни. Он был у них в доме во время приезда в Москву. С тех пор он подсох, поседел, но не узнать его было невозможно.

– Добрый день, мистер Вудгейт, – отвлек его от чтения Ледников.

Вудгейт отложил газету в сторону и с интересом оглядел Ледникова.

– А-а, это вы, Валентин... Рад встрече. Извините, что не встаю, но мое колено сегодня совсем ни к черту. Присаживайтесь.

– Может, вам не стоило выбираться из дома? Я бы приехал к вам...

– Ладно, не такая уж я старая развалина, – засмеялся Вудгейт.

Ледников поставил на столик подарок – коробку с самой дорогой водкой, которую он купил перед отлетом в Елисейском.

– Ого, – почтительно оглядел бутылку Вудгейт. – Серьезная штука. Я видел вас, Валентин, в Москве, когда вы были еще студентом. Но с тех пор вы, насколько я понимаю, попробовали нашего полицейского хлеба?

– Не совсем, я был следователем прокуратуры. А полицейские, как вы знаете, не любят прокурорских. По их мнению, те чистоплюи, которые ставят им палки в колеса и всегда требуют слишком много лишней работы.

– Верно, – рассмеялся Вудгейт. – Есть за ними такой грешок!

– Мистер Вудгейт...

– Крейг, – перебил его Вудгейт. – Зови меня просто Крейг. Давай без лишних церемоний, Валентин. С твоим отцом мы обходились без них.

Вудгейт отхлебнул эль из стоявшего перед ним бокала, а Ледников решил обойтись чашечкой кофе.

– Валентин, а вы знаете, что такое вазэктомия? – вдруг спросил Вудгейт.

Ничего себе вопрос поутру! Ледников удивленно посмотрел на Вудгейта, который рассеянно смотрел в окно. Уж ему-то вазэктомия вроде бы и ни к чему! Правда, может, требуется родственникам или знакомым?

– Ну, вазэктомия – это мужская стерилизация. Операция заключается в блокировании семявыносящих протоков. Таким образом предотвращается проходимость сперматозоидов. Оргастические переживания сохраняются...

Ледников посмотрел на Вудгейта. Тот слушал с явным интересом. Все правильно, кому-то из близких порекомендовали операцию, и вот теперь надо решать – стоит ее делать или не стоит? Ледников вспомнил все, что было в его памяти на эту тему.

– Это самый простой, недорогой и надежный метод для мужчины. В некоторых странах с большой рождаемостью государство даже поощряет вазэктомию. В Индии вроде бы каждому мужчине за это дарят велосипед.

– Велосипед? – засмеялся Вудгейт. – Замечательно! Велосипед!

Он весело посмотрел на Ледникова:

– Хотите, я скажу, о чем вы подумали? Неужели этот старый барбос решил стерилизовать себя? Нет, дорогой Валентин, я человек старой школы и иных методов. Вам приходилось заниматься расследованием изнасилований?

Час от часу не легче! Да, с мистером Вудгейтом не соскучишься...

– Была пара случаев, – припомнил Ледников.

– А у меня десяток-другой... И в половине из них самое трудное было установить – а был ли половой контакт действительно изнасилованием? Сначала женщина соглашается, а потом заявляет, что ее насильовали. Или девушка распяет парня, не думая о последствиях. А парню друзья объяснили: если девушка говорит «нет», то не надо обращать на это внимания, потому что на самом деле она хочет, чтобы ты продолжал... Или у девушки строгие родители, и она от страха перед ними говорит, что парень насильно затащил ее на заднее сиденье машины...

– К чему это вы, Крейг? – осторожно спросил Ледников. – Что-то произошло с вашими родственниками? С внуком?

– Нет, Валентин, как говорится, ничего личного. Просто вчера мне попала в газете статья, в которой утверждается, что уже скоро изнасилование станет стопроцентно раскрываемым преступлением. Разработан новый ДНК-тест, с помощью которого можно вычислить насильника даже в том случае, если он перенес вазэктомию и не оставил следов спермы. Единственное, что требуется от жертвы, – вовремя прийти в полицию. Не позднее чем через 24 часа... И вроде бы уже есть первые задержанные.

– Вы против науки в деятельности полиции, Крейг? – улыбнулся Ледников. – Этаким луддит от розыскной работы?

– Не передергивайте, Валентин! Я просто к тому, что даже если удалось стопроцентно установить, что парень сунул свои причиндалы по нужному адресу, это вовсе не означает, что он насильник.

Вудгейт помолчал.

– А еще я к тому, что мне не нравится, как ведется следствие по поводу этого отравленного парня, Литвиненко. Они напустили тумана секретности, уперлись в одну версию, а других не видят и не замечают. Думают, что без российских коллег они что-то сделают. Бред... Такие дела надо раскручивать только вместе. Поверьте мне, старому сыщику. Ведь когда-то мы славно потрудились вместе с вашим отцом... Ну и, конечно, им надо бы всерьез заняться самим этим Литвиненко и разобраться, чем он занимался в последнее время и на что способен. И каковы его связи... Тут многое можно было прояснить. Но они почему-то темнят. Думаю, не хотят засвечивать какие-то его контакты и связи, невыгодные для них самих... Очень плохо и то, что в дело сразу вмешался Форин-офис – политику сразу поставили на первое место. В таких случаях уже не до честных расследований...

Вудгейт осуждающе поджал губы.

– Знаете, когда я расследовал изнасилования, я прежде всего пытался понять – вот этот парень, он мог или не мог насильовать? И знаете, я ошибся лишь один раз.

Вудгейт внимательно посмотрел на Ледникова и улыбнулся:

– Все, не буду больше мучить вас своими былыми подвигами!.. Но прежде чем мы перейдем к делу, я хотел бы кое-что прояснить. Чтобы вы знали, на что я способен и что могу. Так

вот, я уже несколько лет на пенсии, так что к помощи своих бывших коллег прибегнуть не могу. У нас так не принято. Это не в наших правилах. Но! У меня осталось на связи довольно много агентов, с которыми я работал. Это мои личные связи, так что я вполне могу ими воспользоваться.

Вудгейт допил эль и отодвинул бокал, давая понять, что разговор пошел серьезный.

– Теперь о другом. Насколько я мог понять из разговора с вашим отцом, дело, по которому вы прибыли в Лондон, может быть связано со смертью Литвиненко. И я хочу, чтобы вы, Валентин, меня правильно поняли... – Вудгейт сделал многозначительную паузу. – Мне очень не нравятся некоторые русские, поселившиеся здесь. Потому что я знаю о них очень многое... Среди них немало откровенных мошенников и аферистов, сделавших свое состояние на несчастьях своей страны и обманувших своих же соотечественников. И я возмущен политическими играми, в которые играют сейчас с ними лейбористы, представляя их политическими беженцами. Для меня они – обыкновенные преступники. Я не в восторге также от этого несчастного господина Литвиненко. По-моему, он был пустой и тщеславный малый, готовый на все ради денег и славы. Когда я увидел его фотографию на фоне британского флага, мне стало обидно за мой флаг... Все так, но убийство есть убийство, и оно должно быть расследовано. И те, кто связан с ним, должны понести наказание. Кто бы они ни были. Даже если это ваши друзья, Валентин. Помогать кому-то уходить от ответственности я не буду. А теперь рассказывайте о вашем деле...

– Господи, Крейг, неужели вы думаете, что я обратился бы к вам с какими-то сомнительными делами? – удивился Ледников. – К тому же речь вовсе не о деле Литвиненко. На мой взгляд, кто-то весьма умно использует нездоровый шум вокруг него, чтобы отвлечь внимание полиции... Обратите внимание, ему единственному из всей компании дали английское гражданство. Даже не Березовскому, а ему... Почему? С каким расчетом? Может, как раз с прицелом на будущий скандал?..

После этого энергичного вступления Ледников коротко изложил свою просьбу. Найти какую-то информацию об исчезновении Рафы Муромского и поинтересоваться, что случилось с мистером Кросби, которого ночью обнаружили мертвым в своей квартире... Про дискету с информацией о своей персоне Ледников говорить ничего не стал. Это показалось ему лишним.

Прощаясь, он подмигнул Вудгейту:

– И никаких вазэктомий, Крейг. Обещаю. Мы пойдем другим путем.

– Кто бы в этом сомневался, – усмехнулся Вудгейт. – Кстати, не думайте, что я не знаю, чьи это слова – про другой путь. Это сказал ваш Ленин.

– А откуда это вам известно? – искренне изумился Ледников.

– Когда я был в Москве, я слышал эти слова от самых разных людей и по самым различным поводам. А потом ваш отец объяснил мне, откуда они взялись. У русских очень своеобразное чувство юмора. Они смеются тогда, когда хочется плакать.

– Не можем же мы все время плакать, – вздохнул Ледников.

Седрик Лоутон, как и предсказывала Гланька, сразу понравился Ледникову. Он был симпатичный малый, этот самый лорд. Последствия многодневного похмелья – некоторая осторожность в движениях, тщательность в выборе слов и чувство вины, ясно читаемое в глазах, – делали его еще более привлекательным. Как и положено настоящему лорду, он был в мятых вельветовых джинсах и выдавшем виды твидовом пиджаке с кожаными заплатками на локтях. Роста он был приличного, пожалуй, не ниже Ледникова. Лицо худое, волосы легкие, светлые, постоянно сваливающиеся на лоб, без претензий на какую-либо прическу, а глаза темные, выразительные. Для лорда он был даже слишком хорош, лорд вполне мог бы быть и менее привлекательным лысым пузаном.

Гланька представила их друг другу и завалилась в огромное кожаное кресло, стоявшее в углу.

– Признаться, Валентин, не знаю, чем вы можете нам помочь, – церемонно сказал Седрик, когда процедура знакомства была закончена. – Хотя Аглая и утверждает, что можете. Так как вам приходилось заниматься уголовными расследованиями. Кстати, она мне рассказывала, какое страшное происшествие вам пришлось с ней пережить, когда маньяк хотел сжечь вас живыми...

Накануне Ледников поинтересовался у Гланьки, что она сказала Седрику про их отношения. Гланька, разумеется, съехидничала: что надо, то и сказала... Потом объяснила – сказала, что друг семьи, учился вместе с ее дядей в университете и все такое прочее. Никаких интимностей. Ну, что ж, обойдемся без них.

– Я могу что-то прояснить, – скромно пожал плечами Ледников. – Просто я несколько лучше знаю мир и привычки людей, с которыми вам пришлось столкнуться. Мы сможем вместе подумать...

– Да-да, возможно, – послушно, как и полагается человеку, управляющемуся от похмелья, согласился Седрик.

Гланька в это время сидела в кресле и поглядывала за ними. Прямо воспитательница детского сада. Правда, в глазах ее время от времени сверкали нехорошие искорки, а губы ядовито кривились. Наверняка в голове ее вертелись мысли не только о том, что случилось с Рафой.

– Итак, с чего начнем? – с наигранной бодростью спросил Седрик. – Мне надо рассказать, как все было?

– Извините, Седрик, но я уже довольно много знаю. А про семейство Муромских так уж точно больше вас. Давайте я задам для начала несколько вопросов. Нам, сотрудникам органов, даже бывшим, привычнее вести разговор именно в такой форме.

– Понимаю, что-то вроде допроса, – нашел в себе силы усмехнуться Седрик.

– Да ну что вы! Какой допрос! Просто разговор двух джентльменов. Итак, как произошло ваше знакомство с Рафаэлем Муромским? Откуда он появился на вашем горизонте? Может быть, вас кто-то свел?

Седрик потер пальцами по лбу.

– Да, нас познакомили на каком-то торжестве с участием русских...

Гланька фыркнула в своем кресле.

– Наверняка это был очередной показ мод с кучей манекенщиц и морем водки! А то мы не знаем эти торжества!

Седрик исподлобья посмотрел на нее и виновато улыбнулся.

– Нет, это был не показ мод, а что-то вроде дней Москвы в Лондоне. Но девушки-модели там действительно были.

– Кто бы сомневался, – многозначительно произнесла Гланька. – А чего ты туда поперся, май дарлинг?

– Меня пригласили.

– Кто?

Ледников подумал, что если не вмешаться, то вопросы будет задавать не он, а Гланька.

И тут Седрик сказал:

– Алекс... Алекс Уолкотт. Мы с ним учились в Кембридже, а сейчас он работает в нашем посольстве в Москве. И насколько я понял, он имел какое-то отношение к организации этого мероприятия. Сказал, что мое присутствие очень желательно...

Как интересно, подумал Ледников, обаятельный Алекс совершенно случайно замешан и тут. Кстати, он один из немногих, кто знал о поездке его, Ледникова, в Лондон.

– И в какой-то момент он подвел ко мне очень молодого человека и представил. Это был Муромский. Алекс сказал, что Рафаэль располагает серьезными средствами и хотел бы вложить их в какой-нибудь интересный проект в Англии.

– Вы не поинтересовались, откуда он знает Муромского? Как давно?

– Нет, потому что у Алекса в силу его должности сейчас множество русских знакомых.

– А кто первый заговорил об RWG? Вы? Муромский? Или Алекс?

– Сейчас я попробую вспомнить... Да, пожалуй, именно Алекс. Он знал о моих проблемах с предприятием и сказал: «Кстати, попробуй потолковать с ним о RWG. На футбольный клуб, как у Абрамовича, у него денег пока не хватает, а вот RWG ему вполне по силам».

– Ледников, ты что, знаком с этим Алексом? – спросила Гланька.

– Познакомился перед отлетом. На приеме в вашем посольстве.

– Ты теперь и по посольствам ходишь?

– Бывает.

Ледников опять повернулся к Седрику:

– А что было потом?

– Через несколько дней мы встретились с Рафаэлем, и я подробно рассказал ему о RWG, о планах обновления. Было странно говорить об этом совсем молодому человеку с внешностью школьника старших классов... Но по тому, что он спрашивал, чем интересовался, я понял, что, во-первых, он уже владеет определенной информацией. А во-вторых, что RWG нужен ему для престижа.

Гланька не выдержала и вставила свое слово:

– Ну да, он все время повторял: «Класс! Мой партнер настоящий лорд, а завод строит яхты для королевских дворов и шейхов... Круто, блин!»

Потом Седрик рассказывал что-то еще, но Ледников не услышал практически ничего нового. Правда, скоро стало известно, что с наследством Рафы все не так просто. Деньги находятся в Испании, а мать, гражданка этой страны, вовсе не хочет делиться наследством с сыном, которого она не видела в последнее время годами...

– А какие у них отношения с матерью? – поинтересовался Ледников.

Седрик замялся.

– Он ее ненавидит и презирает, – тут же ответила за него Гланька. – Называет толстой жадной свиньей. Сыночек из него – тот еще!

– Честно говоря, когда он исчез, я ни на секунду не мог допустить мысли, что с ним что-то произошло, – поспешил сменить неприятную тему Седрик. – Я подумал, что он куда-то уехал, за границу...

– Или запил, – многозначительно добавила Гланька.

Седрик понуро опустил голову. Вот ведь злыдня, подумал Ледников, никогда не упустит момент, чтобы не ужалить – так, на всякий случай, превентивно, по-научному говоря. И, как мужчина, хоть и очень редко, но все же порой тоже наносящий безжалостные удары по собственной печени, поспешил на помощь Седрику.

– А статьи мистера Кросби стали для вас неожиданностью? Вам не показалось, что за ними кто-то стоит? Кто-то, кому не нравятся ваши намерения – жениться на русской, взять в компаньоны русского...

– Вы хотите сказать, что их кто-то заказал?

– Заказал и проплатил.

Седрик задумался.

– Среди моих родственников и близких есть, конечно, люди, которые... В общем, они предостерегали меня... Но пойти на то, о чем вы говорите, никто из них не мог. Нет и еще раз нет! – решительно заявил он.

И хотя Ледников вовсе не думал, что среди лондонских аристократов водятся только ангелы без крыльев, он решил сменить тему.

– Кстати, а этот Кросби, он вам знаком?

– Нет, конечно! Господи, я просто забыл о нем! – с изумлением произнес Седрик и уставился на Ледникова виноватыми глазами. – Какая ужасная смерть! Вы думаете...

– Исходя из своего опыта, – многозначительно сказал Ледников и невольно усмехнулся про себя собственной значительности, – я вижу три варианта развития событий. С ним действительно мог произойти несчастный случай. Пьяный человек решил сварить себе кофе и заснул. А кофе убежал и залил горелку. Вариант второй – самоубийство. Мы ничего не знаем о нем, а вдруг у него была неизлечимая болезнь? Или случилось какое-то несчастье. А вдруг его замучила совесть – ведь он писал о вас заведомую ложь. Ну и третий вариант – кто-то ему помог...

– Но кто? – с детской доверчивостью посмотрел на Ледникова ошеломленный Седрик.

– Если бы я знал... Но этим случаем занимается ваша полиция, и будем надеяться, что она быстро выяснит, что же случилось.

– Ледников, ты никак иронизируешь над доблестной английской полицией? – встряла Гланька. – Не веришь в ее возможности?

– Как можно!.. Просто такие дела очень трудно расследуются. Это я вам как бывший следователь говорю.

– Ладно, кончай парить нам мозги по поводу своих прошлых заслуг! – буркнула Гланька. – Мы уже оценили твой юмор.

Седрик изумленно посмотрел на них.

– Все-таки у вас, русских, особенное чувство юмора. Никогда не поймешь – шутите вы или говорите серьезно.

– Ничего, дорогой, – пообещала Гланька, – поживешь с нами побольше и сам научишься.

Тут в прихожей зазвонил телефон. Седрик пошел говорить, а Гланька с вызывающей улыбкой уставилась на Ледникова. Было ясно, что она ждет его слов.

– Симпатичный, – сказал Ледников. – Вроде хороший мужик. Поздравляю.

Гланька самодовольно усмехнулась. И тогда Ледников мстительно добавил:

– Повезло тебе.

Гланька изумленно подняла брови вверх. Мол, что такое?

– Я боялся, что ты подцепишь какого-нибудь богемного придурка или голубого, – невозмутимо объяснил Ледников.

Гланька не успела выдать свой текст, потому что вернулся Седрик. Он пожал плечами и сказал:

– Это Алекс. Говорит, что прилетел сегодня утром и нам надо обязательно встретиться. Прямо сейчас.

Как интересно, подумал Ледников, вот и наш милый Алекс объявился! Тот самый, которому он лично поведал о том, что отправляется в Лондон...

Гланька тоже задумалась.

– И как вы с ним договорились? – спросила она Седрика.

– Через час в клубе.

Гланька вопросительно посмотрела на Ледникова:

– Ты не мог бы к ним присоединиться?

– Мог, но... Не думаю, что это нужно. Он может сразу насторожиться.

– Погодите! – опешил Седрик. – В чем дело? Вы что, подозреваете, что Алекс как-то причастен к этой истории? Вы с ума сошли?

Ледников развел руками:

– Седрик, вы же сами сказали о его причастности – именно он познакомил вас с Рафаэлем.

– Да, но...

– Я его ни в чем не обвиняю и не подозреваю, но ситуация очень запутанная. У меня к вам просьба: если вам не трудно, ничего не говорите обо мне. Ведь вы вполне могли и ничего не знать о моем появлении, правда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.